

МИРОВОЙ ПОРЯДОК КАК ТЕОРЕТИКО- МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

АЛЕКСЕЙ ФЕНЕНКО

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Резюме

Данная статья посвящена изучению мирового порядка в современной политической теории. Автор показывает, что современной англо-американской и российской политической науке присущи общие проблемы, связанные с изучением данной категории. *Во-первых*, современные международники зачастую неоправданно вырывают современный мировой порядок из контекста исторического развития, противопоставляя его всей мировой истории. *Во-вторых*, современным теориям мирового порядка присуща высокая степень нормативности: оценки политических процессов с морально-этических или откровенно идеологических (как правило, либеральных) позиций. *В-третьих*, исследователи часто преувеличивают оригинальность современного мирового порядка, хотя многие свойственные ему характеристики были присущи и другим порядкам. В современной политической литературе также часто путают или отождествляют понятия «порядок» и «система». Невыявленным остаётся механизм смены мировых порядков, их качественное отличие друг от друга и даже само их количество и наименование. В связи с этим автор сконцентрировал внимание на двух взаимосвязанных задачах: 1) определить взаимоотношение терминов «система» и «порядок международных отношений»; 2) обозначить системные характеристики мировых порядков, которые позволят выявить их количество, механизм их смены и качественное отличие. В рамках статьи автор уточняет терминологию по проблемам мировых порядков и предлагает рассматривать их как завершение политических систем, которые прошли свой цикл развития – от зарождения до распада. В основе порядка лежат определение соотношения сил между великими державами и установленные на его основе базовые ценности и правила взаимодействия. Мировой порядок возникает по результатам тотальной войны и ликвидируется тотальной войной; ограниченные войны регулируют отношения внутри мирового порядка. Два типа мировых порядков – гегемонистский порядок и порядок баланса сил – выступают как два равноположенных типа порядка. Их распад обусловлен объективными причинами (изменением соотношения сил и деградацией правовых норм), которые приводят к появлению антисистемных ревизионистов. Автор полагает, что Ялтинско-Потсдамский порядок, по-видимому, повторит полный цикл эволюции предшественников.

Ключевые слова:

мировой порядок; международный порядок; Вестфальская система; суверенитет; тотальная война; ограниченная война; статус-кво; ревизионизм; гегемонизм; баланс сил.

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.01.2022

Дата принятия к публикации: 01.02.2023

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: afenenko@gmail.com

В современной политической науке проблематика мирового порядка остаётся не до конца определённой. Литература по данному вопросу настолько обширна, что заслуживает отдельного справочного издания [Кортунов 2019; Lascurettes, Poznansky 2021]. Вместе с тем в указанной проблематике сохраняются содержательные и терминологические лакуны, которые блокируют её дальнейшее развитие. Остаётся непроявленным соотношение понятий «порядок» и «система»: на этот пункт указывает синонимичность употребления Венской системы и Венского порядка, Версальской системы и Версальского порядка и др. Невыявленным представляется механизм смены мировых порядков, их качественное отличие друг от друга, даже само их количество и наименование. В связи с изложенным в настоящей статье целесообразно сконцентрировать внимание на двух взаимосвязанных задачах: 1) определить взаимоотношение терминов «система» и «порядок международных отношений»; 2) обозначить системные характеристики мировых порядков, которые позволят выявить их количество, механизм их смены и качественное отличие.

Теория мирового порядка в англо-американской политической науке

Теория мирового порядка возникла вследствие развития системного подхода к международным отношениям. Ещё классик теории международных отношений и один из отцов-основателей политического реализма британский историк Эдвард Халлетт Карр ставил вопрос о том, как сохранить стабильность при неизбежном, с его точки зрения, переходе от одной конфигурации соотношения сил к другой, то есть от одного международного порядка к другому [Carr 1964: 16–18]. Тем самым он предвосхитил две основные проблемы изучения мировых порядков. Первая – порядок как отражение конфигурации соотношения между ведущими государствами в конкретную историческую эпоху. Вторая – порядок как некая стабильность в межгосударственных отношениях на протяжении некоего исторического периода.

Школа политического реализма, окончательно оформившаяся к середине XX века, оказалась в сложном положении. Американский политолог Ганс Моргентау утверждал, что его теория национального интереса действует только применительно к взаимодействию национальных государств, существование которых начинается после окончания Тридцатилетней войны (1618–1648) [Morgenthau 1948: 341–365]. Именно он подчёркивал «анархический» характер международных отношений. Государства в его концепции руководствуются только собственным интересом, а международные отношения – это прежде всего отношения, основным регулятором которых выступает сила [Morgenthau 1985: 37].

Похожего взгляда придерживался в конце 1950-х годов и ведущий представитель неореализма, американский исследователь Кеннет Нил Уолтц, утверждавший, что в основе международных отношений лежит «анархическое» начало. Это означало, что в международных отношениях нет единой законодательной системы, способной принуждать все государства к исполнению единых правовых норм [Waltz 1959: 51]. Вопросы, связанные с необходимостью его существования и его авторством, были вынесены учёным за скобки. Иначе говоря, оставалось не ясно, кто должен вводить подобные законы и на каком основании все государства мира должны им следовать.

В то же время британский историк Алан Джон Персиваль Тэйлор описал в своей работе «Борьба за господство в Европе» соперничество великих держав как международно-политическую систему, ограниченную периодом с 1848 по 1918 год [Тэйлор 1958: 32]. Как результат, Тэйлор во многом предвосхитил ту перспективу развития неореализма, на которую позднее ориентировался и Уолтц. Международные отношения анализировались как система взаимодействия национальных государств. При этом под «государством» понимался узкий слой элиты, который в данный период времени определяет внешнюю политику

государства, хотя он может не соответствовать интересам других социальных или национальных групп данного государства.

Выходом из методологического затруднения стала разработка теории политических систем. Последняя развивалась в рамках общего конструирования западной социологией теории систем, включая их сложные виды. Эта тенденция была связана с так называемой «бихевиористской революцией» в политической науке: термин, пришедший из биологии и означающий моделирование систем на основе устойчивых констант поведения их участников. Политические системы состоят из множества взаимодействующих составляющих (подсистем), вследствие чего приобретают новые свойства, которые отсутствуют на подсистемном уровне. В теории американско-канадского политолога Дэвида Истона политическая система находилась в постоянной динамике и непрерывном функционировании благодаря своей структуре [Алексеева 2019: 432].

Следующий шаг сделал американский политолог Мортон Каплан, предложивший шесть типов международных систем в зависимости от конфигурации центров силы. Речь идёт о 1) системе баланса сил (*balance of power system*), 2) гибкой биполярной системе (*loose bipolar system*), 3) жёсткой биполярной системе (*tight bipolar system*), 4) универсальной системе (*universal international system*), 5) иерархической системе (*hierarchical international system*) и 6) системе единичного вето (*unit veto international system*) [Kaplan 2005: 21; 151–161]. Классификацию М. Каплана можно было распространить на всю достоверно известную историю межгосударственных отношений с конца IV тысячелетия до н.э. Тем не менее в этом случае терялась специфика взаимодействия между национальными государствами Нового времени. Они, по сути, уравнивались с системами Древнего Востока, Античности и Средних веков.

Именно по этой причине американский политолог Дэвид Сингер в 1960-х годах предпринял попытку рассматривать [Singer

1969: 32] систему международных отношений, уделяя повышенное внимание национальному государству. Представленные им уровни анализа включали в себя глобальную систему МО, национальное государство и внутриэлитные субъекты, формирующие внешнюю политику конкретного государства. Модели М. Каплана и Д. Сингера подводили исследователей к логичному решению, что системе национальных государств требовалось придать пространственно-временную локализацию, то есть поместить её в исторический контекст.

Прообразом для будущей теории Вестфальской системы стали построения американского юриста Лео Гросса: ещё в 1948 г. он проанализировал Вестфальский мир 1648 г. как комплекс международных соглашений, положивший начало существованию системы национальных государств [Gross 1948: 20–41]. Следующий шаг сделал в том же 1948 г. уже упомянутый американский международник Ганс Моргентау в работе «Политические отношения между народами» [Morgenthau 1948]. Вестфальский мир, по его мнению, сделал национальное государство краеугольным камнем современной системы международных отношений. Окончательно построения Гросса и Моргентау утвердил известный американский учёный и политик Генри Киссинджер, который утвердил два базовых понятия для международников: Вестфальская система («Вестфалия») и международный порядок (*international order*). Становление современной системы международных отношений, в которой ведущую роль играют национальные государства, бывший государственный секретарь США связал с окончанием Тридцатилетней войны и заключением Вестфальского мира. «Этот мир опирается на сосуществование независимых государств, которые воздерживаются от вмешательства во внутренние дела друг друга и сопоставляют собственные амбиции и амбиции прочих с принципом общего равновесия власти» [Киссинджер 2015: 3]. Таким образом, с середины XVII века до настоящего времени существует единая

Вестфальская система национальных государств, которая, возникнув в Европе, приобрела постепенно глобальный характер [Нефёдов 2022].

Однозначного определения порядка Г. Киссинджер не дал, ограничившись указанием, что любой порядок базируется на двух компонентах: 1) совокупности общепринятых правил, регулирующих пределы допустимых действий; 2) балансе сил, необходимом для сдерживания нарушителей политических правил. Тем не менее основой этого комплекса правил должна была выступать их легитимность, то есть согласие ведущих государств признать их в качестве законных и приемлемых. Заслуженный практик и теоретик при этом выделял три уровня порядков [Киссинджер 2015: 3], необходимых для анализа Вестфальской системы:

- мировой порядок как состояние конкретного региона или цивилизации, где действует комплекс договорённостей и существует распределение власти, которое считается приложением к миру в целом;

- международный порядок как практическое приложение указанной системы взглядов на значительную часть Земли, достаточную для того, чтобы сформировать глобальные правила взаимодействия;

- региональный порядок как применение базовых принципов мирового порядка на региональном уровне.

После Г. Киссинджера исследования категорий системы и порядка в западной, прежде всего американской, политической науке разошлись. Возникло два автономных кластера, в рамках которых изучались отдельные компоненты теории порядков.

Одна группа исследователей вслед за К. Уолтцем пошла по пути абстрактного моделирования международно-политической структуры без исторического контекста. Уолтц указывал, что в основе любой системы лежат правила, сформулированные в своё время великими державами, и созданные на их основе институты, которые затем стали жить самостоятельной жизнью, формируя параметры поведения всех государств, в том числе великих дер-

жав [Waltz 1979: 43–47]. Государства оказываются перед необходимостью выстраивать отношения по определённым правилам, что само по себе ограничивает их свободу при формировании внешнеполитической стратегии. Последняя, по мнению учёного, зависит от двух базовых компонентов: мотивов поведения государства и его места в международной системе [Waltz 1998: 44–79].

Другая группа международных исследователей нормативные основы порядков. Прорывом на этом направлении стали работы Хэдли Булла. В его концепции присутствовало разделение на международную систему и международное общество [Bull 2002: 3–21]. К первому он относил все государства мира, ко второму – страны, создавшие некий кодекс поведения как основу будущего мирового порядка. Под международным порядком исследователь понимал «состояние или направление внешней активности, обеспечивающей незыблемость тех целей сообщества государств, которые являются для него, с одной стороны, элементарно необходимыми, с другой – жизненно важными, с третьей – общими для всех» [Bull 2002: 20]. Мировой порядок, в свою очередь, рассматривался как будущий всемирный порядок, построенный на основе некоего общемирового кодекса поведения, выработанного мировым обществом. По мнению Х. Булла, иерархия целей современного мирового порядка включала в себя:

- сохранение самой системы и сообщества управляющих ею государств;

- обеспечение независимости и суверенитета каждого государства;

- сохранение мира, понимаемого как возможность ведения войн лишь при особых обстоятельствах и в соответствии с принципами, разделяемыми мировым сообществом;

- наличие и функционирование общих установок для всей социально-политической сферы.

Теория иерархичности порядка дополнилась дискуссией о его нормативных основах. В начале 1980-х годов американ-

ский политолог-неореалист Роберт Гилпин отмечал, что стабильность системы напрямую зависит от способности ведущих держав-гарантов контролировать поведение других субъектов [Gilpin 1981]. Американский международник Линн Миллер полагал, что основой порядка выступает присутствие в мировой системе разрешительной нормы – права других стран на совершение некоторых действий в рамках данного порядка [Miller 1985: 50]. Его критик британский исследователь Роберт Купер, напротив, акцентировал внимание на запретительных нормах порядка: в чём данные правила ограничивают поведение конкретных государств [Cooper 1993]. Основой порядка исследователь считал гарантии определённого типа стабильности и правила, позволяющие управлять системой и поддерживающие её в состоянии свободы.

Исторические исследования отставали в развитии от политической теории систем. Попытки проанализировать отношения великих держав в рамках конкретных «систем» охватывали небольшой период времени и не выходили на уровень обобщений о характере порядка [Jarrett 2013; Black 2003]. Историко-политическая литература о международных отношениях XX века была сосредоточена в большей степени либо на борьбе держав, либо на юридических основах современного мирового порядка и их возникновении в ходе мировых войн. В этой связи закономерно, что американские исследователи не смогли даже договориться между собой о количестве порядков в рамках Вестфальской системы. Если, например, Г. Киссинджер выделял Вестфальские, Венские, Версальские и Ялтинские «правила», то Л. Миллер – Вестфальский и Вильсонский порядки, а политолог Ричард Хаас говорил о Вестфальском (до конца Первой мировой войны), межвоенном и Ялтинском порядках [Haass 2020]¹. Британский исследователь Джордж Лоусон и вовсе их не разделяет, говоря в туманной форме о суще-

ствовании в прошлом Вестфалии [The Globalization of World Politics... 2008: 37–51], которая переросла в современный мировой порядок.

С середины 1990-х годов в теории мировых порядков утвердилось эклектическое направление, сочетающее положения неореалистской и неолиберальной школ. В её основе лежала точка зрения американского неореалиста Джона Миршаймера, определявшего мировой порядок как «организованную группу международных институтов, которые помогают регулировать взаимодействие между государствами, участвующими в их деятельности» [Mearsheimer 2019: 9]. Американский политолог Джон Айкенберри трактовал это понятие как «совокупность общепризнанных правил и принципов, которыми субъекты международных отношений должны руководствоваться в отношениях друг с другом» [Ikenberry 2019: 17]. Другой американский исследователь конструктивистского направления, Майкл Барнетт, и вовсе считал, что международный порядок представляет собой «модель взаимоотношений и действий, которые вытекают из правил, институтов, законов и норм, а также поддерживаются ими» [Barnett 2021: 1–22]. В его определении конкретная политика фактически исчезает, уступая место неким установленным державами моделям взаимодействия, имеющим при этом нормативную природу.

Лишаясь пространственно-временного контекста, порядок превращается из категории международно-политической в социологическую. Наибольшую роль в этом повороте сыграли, однако, не Уолтц и Айкенберри, а так называемая английская школа. Продолжая традиции Х. Булла, её представители сделали упор на систему норм и правил, утверждавшихся через ряд институтов. К ним относятся правила, регулирующие конфликты и войны, устанавливающие параметры суверенитета и определяющие, какие субъекты считаются законными членами порядка [Philpott 2010;

¹ Рец. на эту работу см.: [Мельникова 2020].

Phillips 2010]. Современные британские исследователи Кайл Ласкуреттс и Майкл Познански выделяют четыре типа порядков в зависимости от поведения субъектов: централизованный, гегемонистский, децентрализованный и переговорный. Часть из них носит умозрительный характер [Lascurettes, Poznansky 2021], то есть пока не существовала в реальности (например, история ещё не знала примера переговорных порядков, в которых бы отсутствовало применение силы).

Постепенно британский нормативизм стал вытеснять структурный анализ из американской традиции. Крупнейшая конструктивистская исследовательница Марта Финнемор с присущим ей морализмом ставила во главу порядка легитимность как обобщённое представление о том, какие действия политических элит желательны, правильны или уместны [Finnemore 2009: 58–85]. Последнее предполагает наличие у порядка карательного механизма и державы-гаранта, обладающей силой для наказания других субъектов за неправильные и неуместные, с точки зрения гаранта, действия. Такие исследователи, как Дэвид Лейк, Лиза Мартин и Томас Риссе, определяют порядок как «упорядоченные или структурированные отношения между подразделениями системы» [Lake, Martin, Risse 2021: 225–257]. В результате он превращается в нормативную, а не исследовательскую категорию, которую следует оценивать на основе её эффективности, а также согласия (или наоборот) с некоторыми ценностями. *Исследовательский вопрос «как функционирует мировой порядок?» был заменён на нормативный вариант «как должен функционировать мировой порядок?».*

Большинство этих определений фокусируют внимание исключительно на современном мировом порядке. Главные выводы, ради которых, собственно, и проводятся исследования, сводятся к двум результатам: 1) однополярность – наиболее предпочтительная форма порядка для сохранения стабильности; 2) в том или ином виде американская гегемония должна сохра-

ниться на перспективу, несмотря на неудачи США в отдалённых регионах. Эти выводы имели в какой-то степени важное значение для международных отношений, которое, с другой стороны, в свете последующих событий оказалось сомнительным. Тем не менее для теории мировых порядков они создали, как минимум, три серьёзные методологические лакуны.

Во-первых, современный мировой порядок отделяется от всей остальной истории международных отношений, что создаёт иллюзию его уникальности и неповторимости. Вопросы, касающиеся исключительности нашего мирового порядка и его принадлежности к Вестфальской системе в качестве его последней модификации, выведены за скобки как не самые желательные.

Во-вторых, возникает психологический парадокс, согласно которому вся мировая история осталась за границей 1990 года. После него наступает набор то ли политических процессов, то ли политических институтов, то есть внеисторического пространства. Такая ситуация невозможна, к слову, даже по исключительно «поколенческим» расчётам. Поколение, родившееся около 1990 года, пока не вступило в активную политическую жизнь, и мы не знаем, насколько проводимая им политика будет отличаться от их предшественников.

В-третьих, подобный подход к определению мирового порядка следует постулату о необходимости управления международными процессами. Между тем сама идея управления является спорной. Для некоторых групп государств может быть выгоднее распад порядка и возобновление жёсткой междержавной конкуренции, чтобы переписать правила взаимодействия в свою пользу.

Таким образом, создаётся концептуальная диспропорция, когда проработанный терминологический аппарат оказывается оторванным от историко-политических процессов. Возможно, этот терминологический аппарат следует более чётко привязать к конкретным историческим периодам, то есть к разным мировым порядкам.

Теория мирового порядка в российской политической науке

В российскую политическую литературу понятие «мировой порядок» было введено ещё в эпоху «перестройки». Несмотря на господство марксистско-ленинской идеологии, в рамках ИМЭМО примерно в 1969 г. произошла своеобразная легализация теории международных отношений. В СССР во время правления Л. И. Брежнева под видом критики «буржуазных теорий» выходили работы, знакомившие читателя с новейшими достижениями западной политической науки [Система, структура и процесс развития... 1984]. В 1975 г. при МГИМО была создана Проблемная научно-исследовательская лаборатория системного анализа международных отношений (ПНИЛСАМО).

Тем не менее в Советском Союзе легитимизировал использование понятия «мировой порядок» помощник по международным делам Генерального секретаря ЦК КПСС Г.Х. Шахназаров, опубликовав 15 января 1988 г. статью в газете «Правда» под названием «Мировое сообщество управляемо»². В ней он отстаивал необходимость создания нового мирового порядка и мирового правительства, которое исходило бы из признания целостности мира и учитывало баланс всех сил. Фактически под мировым порядком в Москве тогда понималось гипотетическое советско-американское управление мировыми процессами ради построения глобального сообщества. Вопросы о том, нужно ли этими процессами управлять и могут ли СССР и США ими управлять, высились за скобки³.

Либеральное понимание этого понятия оказалось комплементарным по отношению к позднесоветской марксистской школе. Напомним, что марксизм с его упо-

ром на социально-классовую природу государств был склонен рассматривать мир как единую систему или набор систем: формации, мир капитализма – мир социализма, мир труда – мир капитала и прочее. Для этого течения были характерны взгляд на государство как на вторичное отражение классовой системы социума и, главное, представление о глубокой взаимосвязанности государств через механизмы социального взаимодействия.

Советскому марксизму был присущ также и существенный моральный компонент: рассуждения о необходимости построения мира будущего в интересах большинства, социально уязвимых слоев, международного рабочего движения. После Второй мировой войны к этому перечню добавился и внешнеполитический компонент – борьба за мир, то есть понятие, само по себе ограничивающее интеллектуальный поиск [Шаклеина 2012: 26]. Нормативно-ценностный компонент проявлялся как в делении войн на справедливые и несправедливые, так и в рассуждениях о неприемлемости чего-либо: от новой мировой войны до экономического давления, определённого поведения государств и других факторов.

После распада СССР в российской политической науке стало закрепляться неолиберальное понимание мирового порядка [Шаклеина 2012: 14–55]. Тем не менее в России дискуссия вокруг этого феномена приобрела острое политическое измерение из-за популяризации Е.М. Примаковым концепции «многополярного мира» (исначально – многополюсного) [Примаков 1996: 3–15], то есть по факту миропорядка баланса сил. Такой проект, утверждённый на официальном уровне через систему российско-китайских соглашений⁴, однозначно шёл вразрез с планами по достижению

² Шахназаров Г. Мировое сообщество управляемо // Правда. 1988. 15 января.

³ Российский политолог А.В. Картунов с какой-то грустной иронией пишет об этом времени: «Да и вообще, кто из нас не был наивным романтиком в 1989 году?» (Картунов А.В. Несколько слов в защиту Френсиса Фукуямы // РСМД. 19 июня 2019. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/neskolko-slov-v-zashchitu-frensis-a-fukuyamy/?sphrase_id=34328280).

⁴ Российско-китайская совместная декларация о многополярном мире и формировании нового международного порядка. 23 апреля 1997. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1902155>.

американского лидерства. Как следствие, в нашей стране проблематика мирового порядка расколола научное сообщество на сторонников и противников лидерства США в мире. Не то чтобы это противостояние препятствовало исследованиям, но оно имплицитно присутствовало во всех теоретических спорах учёных-международников по данной проблематике.

В либеральном подходе, тесно связанном со школой Института США и Канады (ИСК) РАН, делался упор на глобализацию и якобы формирующуюся мироцелостность, что предполагало принятие англосаксонских концепций либерального порядка. Здесь произошёл синтез либерализма и позднесоветской версии марксизма. Уже американист Ю.П. Давыдов видел в мировом порядке «состояние системы международных отношений, соответствующим образом запрограммированное на её безопасность, стабильность и развитие и регулируемое на основе критериев, отвечающих нынешним потребностям прежде всего самых влиятельных субъектов данного мирового сообщества» [Давыдов 2002: 39]. Иерархичность казалась этому автору естественной, коль скоро она выражает потребности регулирования и развития на либеральной основе.

Похожий синтез либерализма и марксизма осуществил другой российский исследователь, Э.Я. Баталов. Он усматривал в мировом порядке интегральный концепт, отражающий обширный комплекс измерений системы отношений, которые складываются между субъектами мировой политики на том или ином этапе развития общества [Баталов 2003: 25–37]. Он выделял три типа порядков: социальный, политический и международный. По мнению учёного, любой порядок должен быть установлен «ради людей»: желательно [так! — А.Ф.], чтобы его целью стало обеспечение блага как можно большего числа людей.

Э.Я. Баталов симпатизировал либеральному направлению в англосаксонской политической теории. «Гуманистический настрой англо-американского теоретика заслуживает всяческой поддержки», — писал он о Хэдли Булле [Баталов 2003: 28].

Представители либерального подхода скептически относились к самой концепции многополярности. Международник В.М. Кулагин указывал, что возрождение *Realpolitik* XIX века не соответствует реалиям современного мира. В то же время многополярный мир, склеенный по лекалам того же столетия, не будет прочным [Кулагин 2006: 74]. Ещё скептичнее выражался В.Л. Иноземцев: «Главный урок европейской истории состоит в том, что многополярная система всегда стремилась через войны и конфликты превратиться в более простую, биполярную, версию»⁵. Более жёсткую позицию занял президент Института стратегических оценок А.А. Коновалов: «Стремление к многополярному миру в современных условиях было бы прыжком в XIX век, когда каждое государство выступало только за себя и против всех (...) Такая модель проведения политики категорически неприемлема в современном глобализирующемся мире»⁶. Вопросы о том, для кого она неприемлема, почему неприемлема и кто будет определять, что приемлемо, а что нет, фактически выносятся за скобки.

Критичным по отношению к многополярному миру был и научный руководитель Российского совета по международным делам (РСМД) А.В. Кортунов. «И если вчитаться в современные российские нарративы, описывающие “новую” многополярность XXI столетия, то за пышным многополярным фасадом очень часто вырисовывается всё та же железобетонная биполярная конструкция мировой политики, отражающая до конца не преодоленную советскую ментальность», — отмечал

⁵ Иноземцев В.Л. Мечты о многополюсном мире // Независимая газета. 18 сентября 2008. URL: https://www.ng.ru/ideas/2008-09-18/10_realpolitik.html

⁶ Коновалов А.А. Мир не должен быть многополярным // Независимая газета. 16 сентября 2008. URL: https://www.ng.ru/ng_politics/2008-09-16/16_peace.html

он в статье с программным названием «Почему мир не становится однополярным?»⁷. Вся эта аргументация, впрочем, повторяла тезисы бывшего государственного секретаря США Кондолизы Райс, которая ещё в 2003 г. доказывала превосходство однополярного мира при условии, что в нём отстаиваются ценности «свободы и справедливости» [Райс 2003].

Сторонники условно формально-нейтрального направления пытались проанализировать мировой порядок как некую объективно заданную структуру в международных отношениях. Фактически они наследовали К. Уолтцу, рассматривая это явление как некую систему, основанную на взаимодействии элементов. Такой системный подход, лишённый по возможности ценностной нагрузки, пытался утвердить в нашей стране профессор МГИМО М.А. Хрусталёв [Хрусталёв 1984]. Его подход предполагал создание тринарного теоретического синтеза (философской теории познания, системного подхода и теории международных отношений) и построение на его основе формализованной теоретической модели системы международных отношений.

Одновременно М.А. Хрусталёв доказывал приоритет американских ценностей и моделей при анализе международных отношений. «Американские политологические работы “задают сетку научных координат” исследователям всего мира. В этом их преимущество. Непрерывный поток публикаций нацелен на поддержание этой сетки, воспроизводство функционирующей картины мира, которую они построили, а мы усваиваем», — утверждал он в 2006 году [Хрусталёв 2006]. Иначе говоря, ценностное ядро даже в абстрактном, казалось бы, моделировании международных отношений всё же существует.

Профессор МГУ им. М.В. Ломоносова П.А. Цыганков понимал под международным порядком [Цыганков 2018: 194] совокупность принципов, регулирующих взаи-

модействие участников международных отношений:

- существование центров власти или силы, количество которых формирует ту или иную его конфигурацию;

- наличие правил и норм поведения, вокруг которых имеется уровень согласия всех участников международных взаимодействий;

- функционирование организаций и институтов для поддержания и совершенствования существующих правил и нормативных установлений, а также в качестве площадок обсуждения и принятия согласованных решений по ключевым вопросам международных отношений;

- определённый набор ценностей, разделяемых всеми системными игроками.

Более нюансированную позицию занимал в этом вопросе отечественный международник А.Д. Богатуров. В работе «Великие державы на Тихом океане» он исходил из системного определения порядка: «Под “порядком” в дальнейшем изложении будет пониматься система межгосударственных отношений, регулируемых совокупностью принципов внешнеполитического поведения [1]; согласованных на их основе конкретных установлений [2]; набора признаваемых моральными и допустимыми санкций за их нарушения [3]; потенциала уполномоченных стран или институтов эти санкции осуществить [4]; политической воли стран-участниц этим потенциалом воспользоваться [5]» [Богатуров 1997]. Тем не менее уже в статье 1999 г. «Синдром поглощения в международной политике» он обратился к концепции Х. Булла, выделяя политику государств, которые управляют порядком [Богатуров 1999: 28–48]. В 2003 г. А.Д. Богатуров провёл грань между международным порядком (отношения между всеми странами мира) и мировым порядком (отношения между ведущими государствами мирового порядка) [Богатуров 2003: 6]. По сути, учёный соглашался принять нормативную логику

⁷ Картунов А.В. Почему мир не становится однополярным? // РСМД. 27 июня 2018. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/pochemu-mir-ne-stanovitsya-mnogopolymnyy/>

Х. Булла. А.Д. Богатуров разработал на его основе теорию «плюралистической однополярности»: системы, при которой одно государство-лидер превосходит любого другого члена международного сообщества по совокупности своих возможностей, но действует в тесной координации со своими союзниками [Богатуров, Косолапов, Хрусталёв 2002: 283–296]. Впрочем, в 2008 г. исследователь пришёл к выводу о начале её распада [Богатуров, Фененко 2008].

Приоритет тем не менее здесь отдавался либеральным ценностям, точнее, некой их версии. П.А. Цыганков и А.П. Цыганков назвали это явление «просвещённым державничеством» [Цыганков, Цыганков 2017: 175–185], что само по себе показательное: по всей видимости, существует ещё державничество непросвещённое. Возникает вопрос: с чьей точки зрения оно выступает «просвещённым» или «непросвещённым»? Авторы отвечают на него следующим образом. Если западные реалисты всегда исходили из центральности положения Запада в международной системе, то российские просвещённые державники всегда учитывали важность решения задач внутреннего развития для России. Они стремились соединить идеалы сильного независимого государства с правами личности, проявляя при этом готовность учиться у других. Видимо, речь идёт о наличии у неких внешних субъектов права определять, насколько успешно учится у них Россия и, соответственно, насколько просвещённым (или непросвещённым) выступает её державничество.

На наличие ценностной основы обращал внимание А.Д. Богатуров: «войны следуют делить на справедливые и несправедливые. Первые – направлены на отставивание с оружием в руках суверенитета и права общности на свою независимость. Вторые – на приращение своих “прав” в новых сферах» [Богатуров 2016: 36]. Ещё глубже ценностную природу мирового порядка показали А.Д. Богатуров и А.А. Байков в своей работе 2018 года. «Работа системы международного регулирования осложняется положением внутри ООН», – отмеча-

ют они [Введение в прикладной анализ... 2018: 33]. Однако система международного регулирования в условиях 2018 года – это фактически консервация итогов перемен на международной арене, произошедших в 1991 году. Если некто считает, что итоги 1991 г. должны быть пересмотрены (а почему, собственно, их надо считать ценностью?), то работа международного регулирования будет такому субъекту скорее вредна. *Иначе говоря, ценностно-нейтральной структуры, по К. Уолтцу, всё-таки не получилось: в основе мирового порядка лежат какие-то ценности, и автор не может быть к ним нейтральным, то есть описывать современность в формально-аналитическом ключе.*

Особняком здесь стояли работы представителя ИМЭМО Н.А. Косолапова, хотя эволюция его взглядов была похожей. В начале 2000-х годов он предполагал, что мировые порядки национальных государств – только одна из форм эволюции человеческого социума [Богатуров, Косолапов, Хрусталёв 2002: 297–334]. Ялтинский порядок, считал он, из одного мирового перерастает в систему глобальных отношений, построенных на качественно иной основе, которая напоминает иерархическую структуру социума. Логика Н.А. Косолапова означала социологизацию анализа, когда мировой порядок рассматривается по аналогии с порядком внутри общества. Тем не менее в 2008 г. исследователь предсказывал начало нового этапа военных конфликтов между национальными государствами, включая возможную прямую войну между Россией и США [Косолапов 2008]. Похоже, Н.А. Косолапов признал то ли несостоятельность, то ли преждевременность идей глобализации. Он пришёл к выводу, что мы продолжаем жить в мире национальных государств, хотя и с глобальными пространствами взаимодействия.

Реалистское (точнее, социально-реалистское) направление оказалось наиболее восприимчиво к идеям многополярного мира. Оно не стало слишком популярным в российской политической науке:

здесь господствовал позаимствованный из англосаксонской теории постулат о стабилизирующей роли какого-либо вида однополярности. Поддержку теории классической многополярности высказали только немногие учёные, прежде всего К.К. Гаджиев [Гаджиев 2007: 3–23] и В.А. Никонов [Никонов 2002: 78–90].

В более мягкой форме концепция многополярности была оценена российским политологом М. М. Лебедевой. Она вписала современный мировой порядок в логику саморазвития Вестфальской системы национальных государств [Лебедева 2020: 24–35]. Вместе с тем был сделан упор на современную систему либеральных ценностей для мирового порядка. «По всей видимости, принципы, выработанные в рамках либерального мирового порядка, такие как рациональность и соблюдение норм, вполне могут быть использованы. Важно иметь в виду, что нормы вырабатываются в процессе взаимодействия через переговорные механизмы» [Лебедева 2020: 32]. Этот порядок, таким образом, может и не быть диктатом США и их ближайших союзников, но всё равно усвоит либеральные нормы.

В начале XXI века центр разработки этой концепции сместился в сторону Совета по внешней и оборонной политике (СВОП). Мировой порядок С.А. Караганов понимал как некий тип социально-политического устройства какой-либо системы государств. «После войны существовало два мировых порядка. Один – либерально-демократический и капиталистический, ведомый США. Второй – социалистический, ведомый СССР. После развала СССР на короткий момент был объявлен “либеральный мировой порядок”, к разрушению которого Россия действительно приложила

руку – самостоятельностью, действиями на Украине и в Сирии», – отмечал он⁸. Впрочем, С.А. Караганов не рассматривал многополярный мир как абсолютный приоритет. «Я не считаю, что многополярный мир – это идеальный мир. Концепция многополярного мира возникла в качестве противодействия миру однополярному, который якобы существовал в 90-е и в начале 2000-х годов, – обратил он внимание в 2017 году. – Поэтому я думаю, что он когда-нибудь должен прийти к более устойчивому новому состоянию. Например, к двум центрам, о которых я говорил выше. Многополярность не цель. Это переходный период»⁹. Последний пассаж делал поддержку концепции многополярного мира не абсолютной.

Всплеск дискуссии по проблемам многополярного порядка пришёлся в России на вторую половину 2010-х годов, что было связано с выходом в свет работы А.Г. Дугина «Теория многополярного мира» [Дугин 2015]. Будущее системы международных отношений он вслед за немецким философом О. Шпенглером и американским политологом С. Хантингтоном рассматривал как баланс цивилизаций. Эта работа вызвала серию критических публикаций с показательными возражениями. Например, российский исследователь Д.А. Дегтерёв указывал¹⁰, что теория Дугина возникла «за пределами конвенциональности»: большая часть российского академического сообщества приняла в той или иной форме англосаксонскую концепцию либерального порядка¹¹.

Ещё интереснее критика многополярности, предложенная И.А. Истоминим. Упрекая Дугина в излишней «нормативности» (восприятии многополярного

⁸ Сергей Караганов – о будущем миропорядке. 8 сентября 2017. URL: <https://www.rubaltic.ru/blogpost/08092017-budushchiy-miroporyadok/?ysclid=I9fnz51cq841675579>

⁹ Караганов С.А. Холодная война: прогноз на завтра // С. Караганов. Персональный сайт. 22.10.2017. URL: <http://www.karaganov.ru/publications/462?ysclid=I9vnke9h80283207009>

¹⁰ Дегтерёв Д.А. Многополярность или новая биполярность? // РСМД. 16 января 2020. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mnogopolyarnost-ili-novaya-bipolyarnost/>

¹¹ Аргумент интересный, если вспомнить, сколько научных открытий было сделано «за пределами конвенциональности», а главное, Д.А. Дегтерёв открыто говорит о том, что российское академическое сообщество полностью приняло не научную, а идеологическую концепцию либерального порядка.

порядка как справедливого), он сам критикует его с нормативных позиций [Истомин 2016]. *Во-первых*, в основе либерального подхода к пониманию мирового порядка лежит признание за группой стран права принуждать другие политии к соблюдению ценностных норм. Если мы отрицаем за ними такое право или сами постулируемые ими нормы, то вся концепция мирового порядка оказывается под сомнением. *Во-вторых*, расчёт экономических потенциалов, на который ссылается исследователь, выполнен прежде всего для миролюбивой цивилизации. Экономика войны строится на совершенно иных основах и параметрах.

В российской политической науке, таким образом, были воспроизведены тенденции американской политической науки. В стране утвердился взгляд на современный мировой порядок как на нечто качественно отличное от всей мировой истории. Между тем тезис о том, что и гегемонистский порядок, и порядок баланса сил не оригинальны, а имели свои аналоги в истории, может изменить формат отношений.

«Мировой» и «международный» порядки

Отделение от категории порядка ее конкретно-исторического содержания породило схоластический спор о «мировом» (*world*) и «международном» (*international*) порядке. В реалистской школе Г. Моргентау и К.Н. Уолтца (при всём различии реализма и неореализма) категория порядка рассматривалась как объективно заданное состояние в международных отношениях в определённый момент времени. Вместе с тем примерно с 1970-х годов пошла критика этого направления представителями либеральной школы. Взяв за основу уже упомянутую теорию Х. Булла [Мионов 2011], они утверждали, что «мировое сообщество» (читай: США и их ближайшие союзники) строит свои отношения на основе международно-правовых норм и институтов, согласовывая свои интересы в рамках единого квазиправового пространства. Только когда отношения между

всеми национальными государствами во всём мире будут построены на общей правовой основе, можно якобы будет говорить о построении мирового порядка.

Тем не менее, строго говоря, все международные порядки и были мировыми, поскольку имели глобальный охват благодаря проведению европейскими державами колониальной экспансии и наличию у них «морской мощи». К Вестфальскому в Европе были подключены Северная и Южная Америка (как колониальные владения европейских держав), Южная, Юго-Восточная Азия, Австралия и приантарктические территории (сначала через англо-голландское, а затем англо-французское соперничество). К Венскому в Европе органично подключились Центральная и Восточная Азия (через русско-британскую «большую игру»), Западное полушарие (через отношения европейских держав с США и латиноамериканскими странами), Африка и Океания (через колониальное соперничество европейских метрополий) и даже приполярные территории, за которые к исходу XIX века развернулась борьба между великими и средними державами. Версальско-Вашингтонский порядок, образованный по итогам Первой мировой войны, уже создал единую правовую систему для всех суверенных государств при помощи Лиги Наций.

Идея «международного сообщества» как группы ведущих стран, отношения между которыми регулируются неким кодексом поведения и моральными ценностями, существовала и в прошлом. Попыткой её воплощения была Лига Наций как основной институт Версальско-Вашингтонского порядка. В ней выделялись два компонента: 1) государства-гаранты, объединённые в Совет Лиги Наций; 2) основные участники, принимаемые в организацию по мере соответствия её критериям. Фактически это и была структура международных отношений по Х. Буллу: «международное сообщество» (державы-победители в Первой мировой войне и близкая им группа стран) и «мировая система» (все современные им суверенные государства мира).

Британский историк А.Дж. Тэйлор, словно заочно полемизируя с Х. Буллом, выделил два периода «долгого мира» в Венском порядке: 1) период Священного союза, 1815–1848 годы; 2) период «Европейского концерта», 1871–1914 годы [Тэйлор 1958: 50–52]. В первом случае великие державы Старого Света не просто не вели между собой войн: их монархи и аристократия ощущали общность друг с другом в рамках идеологии легитимизма. Во втором случае принципы «монархической солидарности» также сохранялись, хотя и в меньшей степени, чем в первом. Не следует забывать, что оба периода «долгого мира» были временем колониальной экспансии, когда европейские государства, не воюя друг с другом, делили между собой остальной мир. Иерархическая система «международного сообщества» против «международной системы» была в Венском порядке даже более иерархичной, чем её описал Х. Булл для периода 1970-х годов.

Вместе с тем и в предшествующем Вестфальском порядке существовало «международное сообщество» как клуб великих держав, определявший ход истории. Он не был институционализирован, но негласно был очерчен и понятим всеми. По итогам Тридцатилетней войны к ним относились Франция, Англия (впоследствии Великобритания с 1707 года), Испания, Голландия, Швеция, Священная Римская империя. В начале XVIII века в этот клуб добавились Россия и Пруссия. Отношения между ними, несмотря на перманентные ограниченные войны, строились (по крайней мере, декларативно) на основе норм христианской морали: не случайно ряд историков называют Вестфаль «последним изданием христианского мира» [Croxton 2013]. Эта группа стран, проводившая колониальную экспансию почти во все части известного мира, резко отделяла себя от остальных, неевропейских, государств и народов. За пределами данной иерархической системы оставались только Китай и

Япония, осуществлявшие политику самоизоляции, ставшей во многом ответом на колониальную политику Европы.

Государства делились в предшествующих (как и в начале XXI века) итерациях мирового порядка не по их географическому положению, а по степени включённости в институты (шире – систему) мирового порядка. «Но самоизолированный субъект по определению не взаимодействует с другими субъектами, а, значит, его политика не относится к предмету науки о международных отношениях, – пишет об этом российский политолог Т.А. Алексеева¹². – Крах политики самоизоляции произошёл в Китае и Японии только в середине XIX века, когда они вступили во взаимодействие с другими государствами. Именно поэтому Китай и Япония “врываються” в историю международных отношений только в середине XIX в., когда вступили в широкое взаимодействие с другими государствами. Возможно, историк сочтет это “европоцентризмом”; но для политолога-международника субъект без связей не является участником мирового порядка».

Мировые порядки прошлого не были и «правовой дикостью», как их любят изображать представители английской школы [Bull 2002: 8–10]. Популярный у них термин «анархия» (*anarchic*) отнюдь не означает «дикое поле» вроде Запорожской Сечи или Патагонии: такой анархии в межгосударственных отношениях не существовало, как минимум, со II тысячелетия до н.э. Колониальные владения включались в правовые системы метрополий, и в результате их отделения от последних создавались новые государства. Абсолютное большинство современных стран были образованы благодаря распаду колониальных империй, то есть существуют в нынешнем качестве через «колониальную сборку». Страны Восточной Азии подключались к мировым порядкам через систему (пусть и неравноправных) договоров с европейскими державами, а не захвата.

¹² Алексеева Т.А. Как примирить историков и политологов? // РСМД. 31 мая 2019. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kak-primirit-istorikov-i-politologov/>

Уже в XIX веке мир (а не Европа) регулировался комплексом европейских правовых систем, которые и стали формировать международное право ещё до Первой мировой войны. Последняя только закрепила этот процесс: в 1920 г. лидерам ведущих держав стало понятно, что для построения нового мирового порядка одной общеевропейской конференции будет мало: необходим «Версаль плюс», то есть Версаль с его дополнениями для Восточной Азии, Ближнего Востока и, возможно, для Советской России [Miller 1956: 13–38].

Другое дело, что право предшествующих порядков не было полностью кодифицированным. Оно вбирало в себя совокупность правовых актов, регулирующих отношения между отдельными государствами или внутри колониальных систем. В начале XIX века появились первые проекты создания единой международно-правовой системы (не только для Европы), что нашло своё воплощение в решениях Венского конгресса и создании «Венской системы». Версальский порядок уже создавался как оформленная интернациональная система, представляющая собой двуединство международно-правовых норм и созданных на их основе международных институтов. Эта логика была положена и в основу Ялтинского порядка, сочетающего в себе систему международного права и созданных на его основе международных институтов.

Иерархия государств в Вестфальском порядке изначально носила неформальный характер: она формировалась стихийно по ходу развития колониальной экспансии. По мере превращения порядков в по-настоящему мировые правовая иерархия стала всё больше формализовываться [Clark 2005]. Уставные документы Лиги Наций уже фиксировали особые права держав-победительниц как членов Совета Лиги Наций. Эту логику воспроизвели и уставные документы ООН, в которых было обозначено особое место пяти держав-победительниц как постоянных членов Совета Безопасности ООН. Фактически уже в середине XX века иерархическая

система мирового порядка обрела своё юридическое оформление. Парадоксальным образом закрепление юридического равенства всех суверенных государств сопровождалось признанием наличия у ряда держав особых прав, резко отличающих их от остальных государств, в рамках существующего порядка.

Понятие «международный порядок» означает, что в его рамках шло взаимодействие между национальными государствами (*inter-nation state order*). Но дело в том, что в ходе колониальной экспансии европейцы на Востоке взаимодействовали с донациональными государствами, большинство из которых были осколками и/или результатом распада Монгольской империи, не говоря уже об особом типе индейских цивилизаций Западного полушария, напоминавших империи Древнего Востока. Это были крупные, временами могущественные, но донациональные по европейским стандартам государства, отношения которых с европейскими державами никак не попадают под термин «международные». Донациональными объединениями были и племенные союзы Северной Америки и Африки, туземные королевства Океании, с которыми столкнулись европейцы в ходе колониальной экспансии. Термин «мировой порядок» позволяет корректнее описать этот комплекс взаимоотношений между различными типами государств и объединений, чем термин «международный порядок», предполагающий взаимодействие однотипных субъектов. С другой стороны, термин «международный порядок» имеет явно идеологическую коннотацию. Он означает, что полноценный «мировой» порядок ещё никогда не существовал: его только предстоит построить.

Этот парадокс зафиксировал российский международник П.А. Цыганков. Он приводит определение американского исследователя Стэнли Хоффманна, разделявшего понятия «международный» (*international*) и «мировой» (*world*) порядок. Различие носит при этом не географический, а скорее функциональный характер.

Международный (межгосударственный) порядок вполне может существовать без наличия мирового порядка в виде отношений между группой стран. В свою очередь, мировой порядок немыслим без создания эффективных процедур межгосударственного сотрудничества, предполагающих особый международный порядок, отвечающий общим основным целям и ценностям их граждан. «В юридических терминах речь идёт о различии между правами государств (взаимном уважении суверенитета) и правами человека», – указывал П.А. Цыганков [1996]. Это искусственное привнесение морального компонента изменило характер самой проблемы. Как отмечал сам исследователь, «если международный порядок как более или менее оптимальное устройство международных отношений, отражающее возможности общественных условий, существовал практически на всех этапах истории межгосударственных отношений, то этого нельзя сказать о мировом порядке».

Разделяя «международные» и «мировые» (как умозрительные) порядки, учёные сталкиваются с комплексом методологических проблем, разрешить которые с научной точки зрения невозможно.

Во-первых, мы имеем дело с абберацией времени: недавние промежутки времени кажутся нам невероятно большими, в то время как вся предшествующая история человечества – невероятно маленькой. Так называемое мировое общество, по Х. Буллу, существует всего 40–50 лет – период, который примерно равен гегемонии одного из древнегреческих полисов и меньше, чем правление ряда европейских монархов вроде британской королевы Виктории. Мы до сих пор не видели хотя бы двух поколений, чей полный жизненный цикл прошёл бы в рамках этой системы. (Достаточно вспомнить тот факт, что президент США Дж. Байден родился в 1942-м, а его предшественник Д. Трамп в 1946-м году, то есть у власти до сих пор находится поколение середины XX века). Соответственно, мы лишены возможности оценить эффективность этого проекта в исторической ретро-

спективе. Корректно ли противопоставлять «мировое общество» как отношения внутри группы стран на протяжении всего 40 лет всей истории Вестфальской системы величиной около 400 лет и всей мировой истории величиной в 5000 лет?

Во-вторых, мы сталкиваемся с проблемой консервации соотношения сил. Утверждение подобного «мирового порядка» требовало бы 1) согласия всех стран на тотальное силовое превосходство США; 2) сохранения американской гегемонии внутри «Западного сообщества» на длительный временной период, хотя бы на 200 лет. Пока же мы видим нечто прямо противоположное: ни Россия, ни КНР не собираются признавать силовую гегемонию США вплоть до противодействия ей военным путём, да и отношения внутри «Западного сообщества» уже не такие однозначные, как, например, в 2000 году. Происходит абсолютизация международных тенденций конца XX века, их восприятие как нечто уникального, отличного от всей истории человечества.

Возможно, что именно с этим связан эффект маятника при анализе внешней политики США, преобладающий в американской политологической литературе. Он строится на противопоставлении «хороших» президентов США, якобы укрепляющих глобальные институты и связи с союзниками, «плохим» президентам, якобы их разрушающим за счёт утверждения американского превосходства. Новейшая история международных отношений превращается в своего рода «товарный состав», к которому цепляются все новые парные вагоны: «хороший Клинтон – плохой Буш», «хороший Обама – плохой Трамп», «хороший Байден...». За этими бинарными оппозициями стоит мечта о президенте, который будет вести Соединённые Штаты в правильном (с точки зрения определённой группы лиц) политическом направлении. Чтобы разрушить эту схему, стоит только сказать себе, что история международных отношений началась отнюдь не в 1991 и даже не в 1945 году, когда подобной дихотомии не было. И будет ли инте-

ресен этот политический маятник для жителей мира, например, в 2100 году?

В-третьих, мы сталкиваемся с нормативным целеполаганием, проецируемым на будущее международных отношений. Здесь уместно процитировать критические замечания А.Д. Богатурова: «Более популярными стали трактовки в духе отождествления порядка с введением “правил благоразумного поведения”, соблюдение которых было бы обусловлено не страхом перед возмездием со стороны более сильного соперника (соперников), а добровольным законопослушанием субъектов, их готовности без принуждения следовать условиям “контракта” или “кодекса”, который они формально (в виде Устава ООН) или неформально вырабатывали бы между собой в процессе общения» [Богатуров 2003: 6]. Мы имеем дело с неким нарративом, что мир движется к построению единой квазиимперской системы во главе с единым «мировым правительством», ограничивающим национальные государства [Etzioni 2004: 34–43]. Вместе с тем почему, собственно, будущим человечества должно выступать создание единого кодекса «мирового поведения» или тем более права? Альтернативных сценариев может быть множество: от суммы региональных правовых систем до создания принципиально новой правовой системы в ходе крупного военного конфликта или просто варваризации международных отношений.

Не стоит забывать и о замечании другого российского международника, Н.А. Косолапова: в современном мире ещё нет ни политической теории, ни материально-технической базы для построения порядка как глобальной империи [Богатуров, Косолапов, Хрусталёв 2002: 329]. В этом смысле объединение мира в принципиально новую единую систему – дело отдалённого будущего, которое, возможно, и не состоится. Ялтинский порядок остаётся порядком национальных государств, построенным на основе единой правовой системы взаимодействия: он продолжает быть мировым порядком, подобно всем

предшествующим до него вариациям Нового времени. В этом отношении и world order, и international order можно объединить русским термином «мировой порядок», который понимается как совокупность правил и норм, определяющих отношения между ведущими государствами мира, а вслед за ними и большинством малых и средних стран.

Порядок как аналитический конструкт

Теория конечности систем не самая популярная область знания в американской политической науке. Примечательно, что разработчики теории мировых порядков мало фокусировали внимание на распаде систем и условиях прекращения их существования. Неприязнь к идее конечности в американской политологии вполне объяснима: в этом случае пришлось бы признать конечность и современного мирового порядка, и самой системы либеральной демократии, которые кажутся американским исследователям практически вечными. Парадоксально, но американская политическая наука как бы возвращается к архаичной метафизике XVIII века, постулировавшей неизменность определённых законов.

Альтернативное решение предложил австрийский биолог Людвиг фон Берталанфи. В отличие от неолиберальных построений, его системы предусматривают возникновение и завершение своего жизненного цикла [Берталанфи 1969: 23–82]. Ключевым компонентом их существования выступает энтропия – способность поглощать и выделять энергию, которая позволяет им достигать устойчивости. Для теории мировых порядков этот факт означает их возвращение в конкретно-исторические условия, в которых они зарождаются, проходят свой полный жизненный цикл, а затем ликвидируются и заменяются новым мировым порядком, соответствующим иному соотношению сил между ведущими державами и другим историческим условиям. *В этом смысле мы, полагаем, можем определить мировой порядок как совокупность правил и норм, определяющих*

характер взаимодействия участников системы международных отношений. Эти правила и нормы существуют в пространственно-временном контексте: возникают, развиваются и ликвидируются в определённых исторических условиях, что предопределяет характер взаимодействия участников данного порядка [Фененко 2020: 9].

Мировой порядок — это не вся совокупность фактов «от Антарктиды до Исландии» в какой-либо промежуток времени, а набор значимых узлов межгосударственных отношений. Точнее, это набор ключевых узлов межгосударственного взаимодействия, норм и институтов в конкретный промежуток времени и пространственной локализации. Мировой порядок и Вестфальская система — это аналитические конструкции или «идеальные типы» (по терминологии немецкого социолога Макса Вебера), созданные для изучения и моделирования процессов в пространственно-временной локализации. В социальных науках это распространённое явление. Аналитическими конструктами были, например, общественно-политические формации в марксизме: феодализм и капитализм, как они описаны К. Марксом, не существовали в чистом виде никогда и ни в одной стране. Никогда не существовали как объективная реальность такие аналитические конструкты, как менталитет, классы, социальные страты, этика и др. Структуру аналитического конструкта «мировой порядок» составляют связи между государствами (а не их внутривнутриполитические системы), осуществляемые на основе ряда норм, отражающих соотношение сил между участниками системы.

Аналитический конструкт, представляющий собой основу научного познания в гуманитарных науках, не может быть полностью тождественным реальным событиям: он абстрагирован от них как созданная исследователями модель. Отрицание отдельными публицистами таких понятий, как «Вестфальская система» или «мировой порядок» [Oslander 2001: 251–287], так же необоснованны, как, например, было бы неприятие понятий «фео-

дальная раздробленность» или «капитализм» на том основании, что 1) этот термин «кто-то когда-то придумал» и 2) «таких положений нет в таком-то документе». Любой аналитический конструкт ввёл и обозначил исследователь, а современной терминологии нет в документах прошлого. Короли франков не объявили в Верденском договоре от 843 года, что «отныне мы начинаем феодальную раздробленность», равно как и французские правители XVII века не заявляли, что «теперь мы строим абсолютную монархию». К слову сказать, «законы Ньютона» тоже были открыты английским физиком Исааком Ньютоном, но никто не пишет о «ньютоновском мифе» на том основании, что «воздух не состоит из формул», или о том, что «в природе нет цифр». Такими же аналитическими конструктами выступают и «Вестфальская система», и «мировой порядок». Первая обозначает систему взаимоотношений национальных государств; второй — принципы взаимодействия великих держав в определённый период времени.

Такое понимание мирового порядка соответствует условиям социального порядка, выделенным классиком американской социологии Толкоттом Парсонсом [Parsons 1951]. Мировой порядок, как и любой социальный порядок, возникает под воздействием тенденций к самосохранению социальной системы и её сохранению по отношению к внешней среде. Условием возникновения нового мирового порядка выступает тотальная война, в которой стороны делают ставку на ликвидацию всех существовавших прежде правил взаимодействия и даже друг друга как политических субъектов. Выходом из хаотического состояния становится фиксация нового соотношения сил и установление государствами-победителями новых правил игры, зафиксированных в виде формальных и неформальных норм, а также созданных на их основе институтов. Формальные нормы прописываются через комплекс уставных документов нового мирового порядка — мирные договоры победителей с побеждёнными или иные

базовые правила международных отношений. Неформальные нормы не кодифицируются, однако они негласно учитываются всеми известными участниками взаимодействия. Элиты государств—участников порядка осознают, что они могут и не могут себе позволить в данных политических условиях.

Как и любое социальное явление, мировой порядок отвечает четырём критериям общества, выделенным Т. Парсонсом: приспособленность к среде, наличие сформулированных целей, скоординированность элементов и сохранение базовых ценностей. Мировой порядок приспособлен к своей среде, то есть к тому пространству и историческому отрезку времени, в котором он существует, а также к социальным и культурным условиям того географического пространства, в котором он сложился. У него есть нормативные цели, сформулированные в его основополагающих документах: обеспечение мира, безопасности всех его участников, стабильности, равновесия и/или статус-кво. Здесь имеется в виду не разжигание новой войны, не уничтожение некоторых его субъектов, не ревизия статус-кво и не отмена всей правовой системы, хотя цели политических элит могут быть и такими. У мирового порядка есть координация элементов как осознание и принятие всеми государствами-участниками его основополагающих ценностей, нормативно-правовых документов, базовых институтов и существующей иерархии. Наконец, в любом порядке существует система ценностей как совокупность морально-этических представлений о допустимом и возможном — ядро, которое может полностью не совпадать с ценностями другого мирового порядка.

Теория мировых порядков напоминает геометрию: наличие аксиом, из которых выводятся теоремы, и, соответственно, теоремы ликвидируются при изменении аксиом. Аналогично мировой порядок можно представить в виде аксиом или ядра (группы ведущих держав-создателей) и теорем (системы созданных ими норм и институтов). В основе каждого мирового

порядка лежит соотношение сил между ведущими державами, правовые системы и набор ценностей, которые формируют базовые нормы, институты и режимы. Разрушение правового и ценностного ядра приводит к неизбежному краху и выведенных из них переменных — норм, институтов и режимов. Следовательно, в структуре мирового порядка можно выделить три компонента.

1. *Иерархический* (соотношение сил между государствами). В реалистской теории международных отношений под силой (*power*) понималась прежде всего способность государств конвертировать военную мощь в политическое влияние [Nobel 1995: 61– 86]. Термин *power* отличался от термина *force* как военной силы. Понятие «великая держава» (*great power*) в дословном переводе означало не «великую силу», а «великую власть». Способность приобретать силу и преобразовывать её в политическое влияние зависит, в свою очередь, от наличия у государства ресурсов: совокупности потенциальных возможностей, которые могут усиливать (или наоборот) потенциал его внешней политики:

- силовой ресурс как совокупный военный потенциал государства;
- экономический ресурс как база для военной мощи;
- территориальный и демографический ресурсы как потенциальная мощь государства;
- организационный ресурс как степень представленности государства во влиятельных союзах, организациях и «политических клубах»;
- культурный ресурс как привлекательность государства.

«Великие державы» — это, строго говоря, государства, сосредоточившие в своих руках наибольшее количество ресурсов и способные конвертировать их в политическое влияние. Если убрать всю морально окрашенную риторику о «недопустимости силового диктата» и «неприемлемости» какого-либо поведения, то гегемоны — это ведущие государства в рамках определённого порядка, то есть исторической систе-

ме, имеющей пространственные и временные ограничения. Количество ресурсов при этом у великих держав неодинаково: у одних больше силовых, у других экономических или организационных. Важнее наличие примерного равенства государств по совокупному потенциалу и способности его использовать, включая компенсацию недостатка одних ресурсов другими. Другое дело, как и в какой форме эта ведущая роль держав будет выражаться, что во многом и предполагает различные типы мировых порядков.

2. *Системные регуляторы* бывают трёх типов: войны, дипломатические соглашения и международно-правовые режимы. Войны как механизмы регулирования мирового порядка делятся на две группы: война за установление гегемонии и война за корректировку баланса сил. Одна и та же война при этом может быть для различных её участников войной как за гегемонию, так и за корректировку баланса. По мере усложнения войн усиливалась роль правовых режимов. В них преследуются три цели: 1) снижение опасности межгосударственной войны; 2) уравнивание ресурсов страны (или коалиции), претендующей на гегемонию; 3) определение долгосрочных правил межгосударственного взаимодействия. Для достижения последней цели необходимо намерение ведущих держав не считать войну лучшей альтернативой переговорному решению проблем. До тех пор, пока это намерение сохраняется, международный порядок остаётся, как правило, стабильным; в противном случае он разрушается.

3. *Нормативно-ценностная основа*. Исследователи часто склонны недооценивать её роль, а между тем именно набор норм (то есть представлений о запредельном и возможном с точки зрения данной правовой и морально-этической системы) определяет базовые нормы мирового порядка. Между тем ещё М. Каплан указывал, что в основе каждой системы лежит представление о «благе» (good): другой вопрос, что в рамках каждой системы под ним понимается разное [Kaplan 2005: 149]. Эти нор-

мы устанавливаются на границе возникновения мирового порядка и обычно действуют (при определённой модификации) до его конца. В Вестфальском порядке таким ценностным ядром была комбинация христианских и этакстических ценностей: отделение религии от политики, христианская риторика и культ «государственного интереса» самого по себе. В Венском порядке такой идеологией выступал легитимизм — представление о законности только сословно-монархических систем и поддержания статус-кво, установленного по итогам Наполеоновских войн и обновленного Берлинским конгрессом 1878 года. В Ялтинском порядке легитимность обусловлена принципами Устава ООН: равенством народов и рас, формальным равенством суверенных стран и ограничение суверенного права государств на ведение войны. Эти принципы регулярно нарушались на практике, однако они постулируются на официальном уровне: явный отказ от них воспринимался политическими элитами ведущих держав как нарушение формальной и неформальной легитимности данного порядка.

Многие морально-ценностные проблемы, которые зачастую кажутся нам достоянием нашего мирового порядка, имеют свои аналоги в прошлом. Идеологическая основа Ялтинского порядка строится на осуждении фашизма (включая немецкий национал-социализм): именно оно во многом определяет «красную черту» для политических элит. Тем не менее идеология Венского порядка была построена на похожем осуждении Французской революции и якобинского террора как «самого страшного в истории человечества» [Jagnett 2018]. В Вестфальском порядке такая идеологическая основа была более имплицитной, но она присутствовала как осуждение «религиозного мракобесия Средних веков» и утверждение философии рационализма [War and Religion... 2013], которая позже стала основой для философии и мировоззрения Просвещения.

Показательный пример: мы зачастую не замечаем, что современные коммунисты

и либералы, будучи непримиримыми противниками, спорят в одной морально-ценностной шкале о наследии Второй мировой войны. Первые доказывают, что секретный дополнительный протокол к «пакту Молотова–Риббентропа» – фальшивка или необходимость для СССР; вторые утверждают, что этот документ уравнивает сталинизм и нацизм. Представим себе, что появляется некто третий – расчётливый и циничный политический реалист в духе Пальмерстона или Бисмарка, который утверждает, что естественное право великих держав – делить малые страны на сферы влияния. Спор по указанной выше проблеме теряет всякий смысл, ибо он ведётся в рамках иной морально-ценностной шкалы Венского порядка. Аналогично если допустить, что в будущем ценностная шкала будет больше напоминать «венскую», наши «ялтинские» представления о нормативно-ценностной основе международных отношений не будут вписываться в эти рамки – их станут воспринимать в лучшем случае как «романтические иллюзии».

Другой пример – наши представления о глобальных проблемах человечества. Мы редко задумываемся над тем, что они могут существовать только в рамках нашего Ялтинско-Потсдамского порядка, провозгласившего равенство народов и рас, гарантии безопасности и территориальной целостности всех стран и ограничения суверенных прав государств на ведение войны. В условиях существования иного (например, Венского) порядка, где постулировалось неравенство народов и рас и свобода на ведение межгосударственных войн, «глобальных проблем» не было. Одни государства и народы считали нормальным реализовывать свои интересы за счёт других, видя в них объекты для проведения экспансии. Можем ли мы быть уверенными, что ценности будущего порядка будут больше напоминать наши представления о «глобальных проблемах», а не идеалы

Венского или Вестфальского порядка, считающие высшим приоритетом реализацию национального эгоизма или поддержание баланса сил?

Любопытное, хотя и крайне идеологизированное, наблюдение сделал в этой связи американский политолог Роберт Кейган. «У американского монстра действительно есть совесть. Это не французский Людовик XIV и не английский Георг III, – писал он в своей известной статье “О силе и слабости” 2003 года. – Американцы не станут оправдывать, даже для самих себя, свои действия государственными интересами. Для них так и остались неприемлемыми принципы старого европейского миропорядка, идеи Макиавелли им не близки. Американское общество до мозга костей пропитано идеалами либерализма и прогресса, и если американцы и верят в силу, то лишь потому, что видят в ней способ утверждения либеральных ценностей и либерального мироустройства»¹³. Не станем опровергать идеалистические представления автора об американцах. Интереснее задать другой вопрос: «А что будет, если однажды идеи Макиавелли станут близки американцам, и они начнут оправдывать свои действия государственными интересами?» В логике Кейгана – это будет концом существующего мирового порядка в его современном качестве.

Мировой порядок – это, таким образом, международно-политическая система взаимодействия национальных государств, которая имеет своё начало и конец. Она возникает в конкретно-исторических условиях и завершается с исчерпанием этих условий, что происходит в результате крупного военного конфликта. Немецкий военный теоретик Карл фон Клаузевиц выделял два типа войн – тотальные и ограниченные [Клаузевиц 1934: 23–24]. Целью первых выступает, по его мнению, уничтожение противника как политического субъекта; целью вторых – принуждение противника к компромиссу. Эти два типа войн тесно

¹³ Кейган Р. О силе и слабости // Отечественные записки. 2003. № 6(15). URL: <https://strana-oz.ru/2003/6/sila-i-slabost>

связаны с системой мировых порядков [Фененко 2022: 13–36]. Ограниченные войны выступают системными регуляторами порядков, стремясь установить гегемонию или подкорректировать сложившийся баланс. Тотальные войны, напротив, разрушают существующие порядки и формируют новые, хотя случаются и системные тотальные войны на периферии, не затрагивавшие структуру порядка, какими были, например, вооружённые конфликты в Латинской Америке XIX века или Гражданская война в США 1861–1865 годов. В известном смысле мировые порядки – это соотношение сил между великими державами и правила международного взаимодействия между двумя тотальными войнами.

Последние выполняют для мирового порядка несколько функций. Они:

- устанавливают новое соотношение сил между великими державами, то есть сам новый мировой порядок;

- выступают источником легитимности порядка, великие державы занимают ведущее место в мировом порядке по итогам тотальной войны;

- легитимизируют внутривнутриполитические системы государств-учредителей нового порядка (достаточно вспомнить роль Отечественной войны 1812 г. для Российской империи, а Великой Отечественной войны для СССР и современной России);

- создают новую систему морально-этических координат, которые преобладают в рамках данного конкретного порядка;

- задают состояние блокирующей легитимности, то есть прошлая правовая и ценностная системы как бы отсекаются от существующего порядка, превращая его в политический процесс, а предшествующие мировые порядки – в достояние истории.

Иную роль в рамках мирового порядка играют ограниченные войны, выступающие как серия силовых демонстраций, направленных на принуждение противника к компромиссу. Для них характерно изначальное ограничение целей, театров военных действий и выбранных средств ведения войны. Они выступают регулято-

ром отношений в рамках определённого мирового порядка, позволяя:

- корректировать соотношение сил между ведущими игроками порядка;

- разукрупнять ресурсы претендента на установление гегемонии;

- применять силу, не разрушая структуру мирового порядка;

- усиливать позиции великих держав на переговорах, позволяя им добиться более выгодных условий на переговорах.

Распад мирового порядка не случайно связан с переходом от системы ограниченных военных конфликтов к войне тотальной. К концу существования порядка обычно возникают два взаимосвязанных явления. Первое: подрыв легитимности существующего порядка, вызванный естественным отдалением от предшествующей тотальной войны, на которой завязана его легитимность. Второе: изменение соотношения сил между великими державами, вызванное объективными процессами и вступающее в противоречие с той иерархией игроков, которая сложилась после окончания предшествующей тотальной войны. У элит ведущих стран возникает запрос на новый крупный военный конфликт, призванный 1) зафиксировать новое (уже объективно складывающееся) соотношение сил между великими державами и 2) легитимизировать новую правовую систему на основе складывающейся системы отношений. Тотальная война выступает в данном случае не аномалией, а, скорее, результатом саморазвития мирового порядка, истощением ресурсов, положенных в его основу. Именно эти процессы можно наблюдать на финальной стадии существования Вестфальского и Венского порядков. Возможно, подобный финал будет ожидать и Ялтинско-Потсдамский порядок на завершающем этапе его существования.

Мировой порядок проходит, таким образом, единый для всех систем жизненный цикл, или цикл развития. Он возникает в результате тотальной войны, которая определяет новый набор великих держав, устанавливает новую ценностную правовую и институциональную структуру мира.

После этого следует период системного соперничества великих держав (в том числе через ограниченные войны) в рамках новой нормативной и институциональной структуры мира. Постепенно в рамках порядка возникают режимы, способные бросить ему вызов. Финалом этого процесса становится новая тотальная война, которая разрушает существующий мировой порядок и создаёт новый.

Субъекты мировых порядков

Теория мировых порядков делит государства на два типа в зависимости от их отношения к существующему порядку: статус-кво и ревизионистские. Государства (точнее, режимы) статус-кво в целом принимают существующий мировой порядок как легитимные и обязательные для исполнения правила взаимодействия. Такие игроки могут быть или гарантами этого порядка, или государствами, которые готовы следовать установленным правилам. Эти субъекты могут выступать за отдельные политические перемены, за локальные изменения границ, однако это действия в рамках существующего порядка. Войны между державами статус-кво случаются, но они носят ограниченный характер: за корректировку баланса и принуждение противника к компромиссному миру.

Дискуссия о природе режимов статус-кво началась ещё в середине XX века в рамках школы политического реализма, которая рассматривала стабильность как сохранение определённого статус-кво на относительно длительный временной период. В 1970-е годы в политической науке приобрела популярность концепция динамической стабильности как «согласия на перемены»: допустимость изменения статус-кво при условии согласия ведущих держав и сохранения базовых принципов мирового порядка. Риском предположить, что эта теория статической и динамической стабильности, восходящая к М. Каплану и Г. Киссинджеру, адекватным образом описывает два типа государств статус-кво. Первые (статические) постулируют необходимость сохранить

сложившийся порядок; вторые (динамические) допускают локальные перемены (территориальные или институциональные) при условии сохранения основ мирового порядка.

Российский учёный А.Д. Воскресенский также выделил среди держав статус-кво две интересные позиции [Воскресенский 2002: 139–143]. Первая – контрлидер, то есть держава, аккумулирующая ресурсы и готовящаяся бросить вызов гегемону или ведущим державам в рамках существующего порядка, а не посредством его слома. Вторая – антилидер, то есть государство, не имеющее ресурсов для реального противодействия лидеру, но использующее свои ресурсы для постоянных нападков (чаще всего риторических) на лидера. Теоретически контрлидер может стать режимом-ревизионистом; антилидер не имеет для этого достаточных ресурсов и, напротив, может быть использован гегемоном или другими великими державами как объект манипуляций против других держав. Если же антилидер волею судеб занимает место гегемона, то он, как правило, сам испытывает внутренний кризис и не справляется с этой ролью.

К государствам статус-кво чаще всего относится и большая группа малых и средних стран. Большинство из них не в состоянии самостоятельно обеспечить свою безопасность в случае начала реальной экспансии великих держав. Условиями их безопасности могут стать правовые нормы, поддержание статус-кво или гарантии со стороны великих держав. Элиты этих стран, естественно, опасаются разрушения основ данного порядка, ибо в первую очередь подобное развитие событий уменьшит их собственную безопасность. Как итог, державы-гаранты, нацеленные на сохранение статус-кво, обычно имеют широкую поддержку со стороны малых и средних стран, если нет отягчающего исторического наследия в их отношениях.

Понятие «ревизионизм» в самом общем смысле означает идейные направления, провозглашающие необходимость пересмотра (ревизии) какой-либо устоявшейся

теории или доктрины. Термин «ревизионистское государство» (*Revisionist State*) пришёл в международные отношения из теории политического транзита или передачи власти. Ревизионистские державы выделял ещё британский историк Алан Джон Тэйлор [Тэйлор 1958: 50], но окончательно теорию ревизионизма оформил американский политолог Абрамо Фимо Кеннет Органски. В работе «Мировая политика» он выделил четыре типа государств в зависимости от сосредоточенной в их руках власти: преобладающие (доминантные), великие, региональные и малые державы [Organski 1958]. Международную нестабильность вызывает, по логике Органски, изменение соотношения сил между одной из великих держав и преобладающим государством, что повышает риск возникновения войны. Следовательно, державами-ревизионистами чаще всего становятся великие державы, стремящиеся свергнуть преобладающую державу и пересмотреть сложившееся соотношение сил и правовые нормы.

Ревизионистские государства постулируют необходимость пересмотра (ревизии) действующего миропорядка и изменение его основополагающих норм. Элита державы-ревизиониста отвергает существующий порядок как таковой и связывает позитивные для себя перемены с его уничтожением и формированием иной правовой системы, созданной «под себя». Позиция подобной элиты сводится к тому, что право, которое менялось много раз в истории, можно поменять ещё раз. Элита государства-ревизиониста считает бессмысленными понятия «международная стабильность», «угроза международной безопасности». В её понимании угроза — это сам существующий мировой порядок, где она не занимает должного, с её точки зрения, положения.

Ревизионистские режимы не идентичны друг другу. Исследователь Роберт Гилпин выделял два мотива поведения

ревизионистов: 1) стремление сократить отставание от ведущих держав; 2) намерение переписать существующие правила игры на международной арене [Gilpin 1981: 10–11]. В дополнение к его идее можно разделить ревизионистов на системных и внесистемных (радикальных). Первые согласны на частичное изменение правил игры и готовы идти на компромисс с державами-гарантами порядка (к этому направлению относится, видимо, и изученное российским международником И.А. Истоминым явление «институционального ревизионизма» как стремление потенциальных государств-ревизионистов перестроить под свои запросы международно-правовые нормы и институты¹⁴). Вторые стремятся к радикальному изменению всех правил международного взаимодействия и ликвидации правовой системы данного порядка. *Соответственно, можно выделить два варианта ревизии мирового порядка. Согласованная ревизия предполагает соглашение между системными ревизионистами и ведущими державами о частичном изменении правил мирового порядка. Несогласованная ревизия означает односторонние действия одного или нескольких радикальных ревизионистов, которые приводят к его полному слому посредством тотальной войны.*

Разницу легко пояснить на исторических примерах. В Вестфальском порядке роль системных ревизионистов взяли на себя Россия и Пруссия: изначально они занимали в нём окраинные позиции, но в ходе войн первой половины XVIII века прочно вошли в клуб великих держав, потеснив с этих позиций Швецию, Саксонию и Речь Посполитую. В Венском порядке системными ревизионистами стали Пруссия, Пьемонт и Япония: первые два, не удовлетворённые своей системной ролью, создали Германскую империю и Италию из конгломерата прилегавших к ним малых и средних государств. В свою

¹⁴ *Истомин И.А.* Институциональный ревизионизм в международной политике: продукт подъёма, дитя упадка или что-то иное? // Валдай. Международный дискуссионный клуб. Март 2021. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/36923/>

очередь, Япония образовала собственный центр силы в Восточной Азии, прорвавшись в клуб великих держав. В Версальско-Вашингтонском порядке роль системного ревизиониста до 1940 г. пыталась взять на себя фашистская Италия, ограничивая первоначально свои интересы Средиземноморьем и Африкой. В современном мировом порядке США обвиняют в ревизионизме Россию, КНР и Иран, хотя речь может идти только о системном ревизионизме — изменении региональных границ или соотношения сил без разрушения самих основ Ялтинского порядка. В этом случае и Москва, и Пекин являются классическими державами статус-кво, выступающими за сохранение Совета Безопасности ООН в его нынешнем качестве.

Внесистемные ревизионисты покушаются именно на основы порядка, требуя его ликвидации. В Вестфальском порядке эту роль взяла на себя Франция: в ходе революции ведущая держава создала радикальный внесистемный режим, претендующий на силовое установление своей гегемонии в мире. В Венском порядке таким ревизионистом стала Германская империя, требовавшая глобального перераспределения мировых ресурсов. В каком-то смысле в роли внесистемного ревизиониста выступили в годы Первой мировой войны и США, предлагая модель ликвидации старой системы взаимодействия между великими державами: только в отличие от Германии они добились успеха в ходе двух мировых войн. В Версальско-Вашингтонском порядке эту роль взяли на себя Германия, Италия и Япония, создав блок стран «оси», которые и развязали Вторую мировую войну.

Наиболее интересен в этом отношении опыт нацистской Германии. Нацистское движение изначально укладывалось в системно-ревизионистскую логику. Как ни парадоксально, но на страницах «Майн

кампф»¹⁵ Гитлер не призывал к войне-реваншу с западными державами за Первую мировую войну. Скорее, он предлагал им компромисс: Германия становится авангардом антикоммунизма и строит свою империю в Восточной Европе. Фактически это был призыв вернуться к завоеванию позиций, которые Германская империя приобрела по Брестскому миру в 1918 году. Вместе с тем для реализации этого плана Берлину требовалось воссоздать сильную армию, что вступало в противоречие с условиями Версальского мирного договора и порождало конфликт с его гарантиями. В такой ситуации страна переводилась бы из категории системных в разряд внесистемных ревизионистов.

Есть и ещё одна интересная категория государств — несостоявшиеся ревизионисты. Теоретически им мог стать СССР, выступавший за мировую революцию и уничтожение всех буржуазных правительств. Тем не менее уже в середине 1920-х годов в Москве победила «группа Сталина», постулировавшая построение социализма в одной отдельно взятой стране, то есть отказ от экспансии. С начала 1930-х годов Советский Союз стал блокироваться с державами-гарантами Версальского порядка против ревизионизма Японии и Германии. Он не приветствовал новую мировую войну как дорогу к мировой революции. В Ялтинском порядке роль внесистемного ревизиониста мог взять на себя маоистский Китай 1960-х годов: он выставял себя в роли лидера «третьего мира», противника обеих сверхдержав и официально провозглашал возможность достижения победы в мировой ядерной войне. («Не мы хотим воевать, а они стремятся к войне. Как только начнётся война, посыплются атомные и водородные бомбы, — заявил Мао Цзедун на совещании представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран 18 ноября 1957 года»¹⁶. —

¹⁵ Книга внесена в перечень экстремистских материалов согласно пункту 3 статьи 1 Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».

¹⁶ Выступление на проходившем в Москве совещании представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран. 18 ноября 1957. URL: <http://maoism.ru/16640>.

Я спорил по этому вопросу с одним иностранным политическим деятелем. Он считает, что в случае возникновения атомной войны могут погибнуть абсолютно все люди. Я сказал, что в крайнем случае погибнет половина людей, но останется ещё другая половина, зато империализм будет стёрт с лица земли и весь мир станет социалистическим»). Между тем после советско-китайского конфликта 1969 г. ревизионизм КНР стал ослабевать, а начиная с 1977 г. Пекин выбрал иную модель экономики – максимальное участие в мировой торговле и распределении труда.

Радикальным ревизионистам, подвергающим слому мировые порядки, присущ ряд признаков, которые необычны для государств статус-кво. *Во-первых*, у них должен быть мощный военно-промышленный потенциал, достаточный для того, чтобы бросить вызов мировому порядку. *Во-вторых*, ревизионистская держава – это нация войны: она должна принять идеологию, что война – норма, а не аномалия, равно как и вражда к другим народам – неотъемлемая часть бытия. *В-третьих*, во главе этой державы должен стоять лидер, готовый повести свой народ к войне за передел мира. Ревизионистскую державу не стоит представлять «тоталитарным монстром»: её политический режим может быть и демократией (революционная Франция), и монархией (императорская Япония), и диктатурой (нацистская Германия). В первой четверти XXI века среди политологов принято говорить о том, что демократии не воюют друг с другом [Цыганков А., Цыганков П. 2005]. Сто лет назад такой же популярностью пользовался тезис, что чем более демократичен политический режим, тем более он агрессивен [Лебон 1995: 522–525]. Для ревизиониста важен не сам по себе тип политического режима, а его настрой на слом мирового порядка.

На этом фоне мы можем по-новому посмотреть на наблюдения американского политолога-реалиста Рэндалла Швелера, что проблема ревизионизма связана с восходящими державами¹⁷. Зависимость здесь, видимо, не носит линейного характера. Революционная Франция, охваченная экономическим спадом и депрессией в 1790-х годах, воевала с европейскими коалициями намного успешнее, чем королевская Франция в период её экономического роста. Советская Россия времён Гражданской войны вела себя намного агрессивнее, чем СССР в период правления Брежнева и даже Сталина, несмотря на голод и разруху. Ревизионистские режимы в Германии и Японии установились в результате «Великой депрессии» 1929–1933 годов, а не экономического подъёма. У нацистской Германии в 1933–1939 годах было намного меньше времени на создание армии и перевооружение, чем у кайзеровской Германии в 1871–1914 годах (это не помешало нацистской Германии достичь намного больших военных успехов, чем кайзеровскому «Второму Рейху»). Италия в 1920-х годах явно не была восходящей державой первого ранга, что не помешало ей установить ревизионистский режим. Экономическая депрессия может, напротив, подтолкнуть государство к поиску мобилизационных путей развития. Ослабление экономического потенциала может сыграть на руку ревизионистскому режиму, поскольку огромные массы людей оказываются оторваны от привычного образа жизни и тем самым создаётся демографическая база для формирования массовых армий.

Главная проблема, с которой сталкивается исследователь ревизионизма в международных отношениях, заключается в отсутствии адекватного терминологического аппарата для его изучения. Такая ситуация не случайна. Большая часть работ по теории международных отноше-

¹⁷ Швелер Р. Восходящие державы и ревизионизм в условиях зарождения новых мировых порядков // Валдайские записки. 7 октября 2015. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/voshodyashhie-derzhavy-i-revizionizm-v-usloviyah-narozhdeniya-novyh-mirovyh-poryadkov/>

ний написана с позиции держав статус-кво, а не ревизионистов, отвергающих сам нормативный дискурс данного мирового порядка. Речь идёт не о феномене «восходящих держав», а скорее о скрытой морально-ценностной основе большинства работ по проблемам международных отношений. Международники, например, часто размышляют о проблеме «глобального управления», но мало размышляют над тем, нужно ли ими управлять, или кому-то предпочтительнее новая схватка великих держав. Существует целый пласт литературы по проблемам стратегической стабильности, но редко можно увидеть постановку вопроса о том, а нужно ли сохранять стабильность, если, например, она мешает реализации интересов каких-то игроков. «Как восходящие и господствующие державы, так и их общественность должны признать, что, в широком смысле, их долгосрочные экономические интересы скорее совпадают, чем противоположны друг другу», — пишет тот же Рэндалл Швелер. При этом, правда, остаётся в стороне интересный вопрос о том, кому и почему восходящие и господствующие державы что-то должны. Существуют и определённые морально-политические ограничения: идеология ревизионистов зачастую жёстко осуждена державами-победительницами, и исследователю ревизионизма надо буквально стать научным эквилибристом, чтобы избежать политических обвинений в её реабилитации. *Политику держав-ревизионистов исследователи вынуждены описывать в категориях, выработанных преимущественно для анализа действий держав статус-кво, что само по себе не формирует адекватной картины для восприятия их политики.*

Ярче всего эту методологическую лакуну демонстрирует парадокс американского международного неолиберального направления Роберта Кохэйна. В своей работе «После гегемонии» он предположил, что даже на фоне относительного ослабления гегемонии США международная стабильность сохраняется благодаря созданным

американской дипломатией глобальным институтам или «международным режимам» [Keohane 1984: 20–28]. Тем не менее они не в состоянии сдерживать ревизионистов, ибо последние желали бы краха созданных гегемоном или ведущими державами институтов как опоры мирового порядка. Если же ревизионисты хотят их сохранения даже без наличия гегемона, то тогда они являются настоящими режимами статус-кво, готовыми вести переговоры с гегемоном и даже признать его власть на определённых условиях. Если режимы продолжают функционировать при ослаблении гегемона, то это говорит не об их эффективности, а скорее об отсутствии ревизионистов или преувеличенности разговоров об ослаблении гегемона.

Ещё более интересно утверждение американского международного Ричарда Розекранца об изменении сути ревизионизма. Согласно его работе «Подъём торговых государств», в современном мире территория и ресурсы перестали быть источниками национальной силы, как было в прошлом. На первое место вышли ресурсы, связанные с человеческим капиталом и технологиями [Rosecrance, 1986]. Тем не менее а ранее ситуация ничем не отличалась от описанной Розекранцем: территории и ресурсные базы Германии, Италии и Японии были несопоставимо меньшими по сравнению с тем, что было у Британской и Российской империй. Тем не менее данное обстоятельство не помешало этим странам бросить вызов двум ведущим империям XIX века. Что касается человеческого капитала и знаний, то именно волонтаризм как культ воли и гения, способного нивелировать превосходство противника в ресурсах, были характерной особенностью и немецкой, и японской философии.

Столь же любопытно замечание Розекранца, что ревизионизм утратил привязку к территориальным изменениям государств [Rosecrance 1986: 22–24]. После Наполеоновских войн политическая карта Европы оставалась почти неизменной до 1858 года, а Германия и Италия возникли на базе ранее подготовленных объедине-

ний¹⁸. Их появление не воспринималось современниками как нечто невероятное, ломающее всю систему мирового порядка.

Не менее спорна, по всей видимости, и набирающая популярность теория институционального ревизионизма [Duffield 2007: 1–22]. Дело даже не в том, что настаивающий ревизионист хотел бы пересмотра существующей системы международного права и, следовательно, ликвидации системы международных институтов. Иначе перед нами не режим-ревизионист, а один из вариантов режимов статус-кво, желающий просто повысить свою системную роль в мировом порядке.

До настоящего времени мир ещё не знал серьёзной ревизии институтов, созданных по итогам Второй мировой войны, и даже не видел крупных движений, выступающих за подобную ревизию. Это обстоятельство говорит скорее об отсутствии мощного ревизионистского движения, хотя исключать его появление в будущем нельзя. Опыт истории показывает, что радикальные ревизионисты, как правило, появляются к концу существования мирового порядка.

Ревизионист не является анархистом, желающим полного уничтожения цивилизации. Напротив, он имеет свой проект переустройства миропорядка, который считает корректным и справедливым. Другой вопрос, считают ли его таковым другие участники международного взаимодействия или нет. Ревизионист не выступит против создания правовых режимов, но только в будущем, когда порядок будет переформатирован под него самого. Он исповедует не правовой нигилизм, а некую форму «подвижной исторической легитимности», если можно применить такой термин ввиду опять-таки отсутствия адекватного терминологического аппарата.

В представлении ревизиониста современное соотношение сил, права и легитимности было установлено по итогам некой тотальной войны, которая сама отмени-

ла предшествующий мировой порядок. В таком случае почему созданное на её основе право – новая норма на все времена, а не такая же временная комбинация, как и все предшествующие правовые системы? Варианты ответа на этот вопрос в духе «мы завоевали этот мир кровью» в логике ревизиониста не уместны: его контрответы будут звучать «сегодня вы, а завтра мы» или «вы тоже отменили предшествующих победителей, так почему ваша отмена последняя в истории?».

Международники уделяют повышенное внимание проблеме «глобального управления» (*global governance*), в то время как исследователь, размышляющий в категориях ревизиониста, задал бы вопрос: «А почему миром вообще нужно управлять?» или «Почему бы не допустить распада управления, которое даст мне шанс на подъём за счёт других?» Учёные привычно пишут о «стратегической стабильности», однако, с точки зрения ревизиониста, она консервирует мировой порядок, в котором ему нет адекватного места: гораздо лучше был бы её распад. Аналогичное неприятие вызвал бы популярный у международных терминов «ответственная политика». Ревизионист исходит из максимы, что меньше всего он должен отвечать перед странами, создавшими мировой порядок без учёта его интересов, тем более что они сами создали порядок по итогам тотальной войны.

Появление ревизионистов трудно спрогнозировать: для современников они возникают словно из ниоткуда, а предпосылки к их появлению распознаются уже задним числом. Едва ли в 1770 г. кто-то мог представить, что королевская Франция, ведущая держава Вестфальского порядка, в скором будущем станет революционной и начнёт новую почти тридцатилетнюю войну со всей остальной Европой. В 1885 г. вряд ли кто-то мог предположить, что консервативная аристократическая Германия трансформируется в тоталитарный Третий

¹⁸ Например, так называемому объединению Германии под эгидой Пруссии предшествовал созданный в 1834 г. Германский таможенный союз, и его перерастание в прусскую монархию не было нонсенсом для современников.

Рейх. Изолированная Япония в 1840-е годы была далека от глобального ревизионизма сто лет спустя, угрожающего и СССР, и Британии, и США. Привычный нам Ялтинско-Потсдамский порядок, пожалуй, также подвергнется атаке ревизионистов под конец своего существования, как и все предыдущие мировые порядки.

В литературе иногда можно встретить точку зрения [Davidson 2016], что в современных условиях появление новых режимов-ревизионистов вряд ли возможно, поскольку издержки для таких государств будут слишком велики. Исторический опыт не подтверждает этой гипотезы: и Франции 1789-го, и Германии 1890-го и Японии 1935-го годов также «было что терять», но сдерживающие факторы не предотвратили их превращение в ревизионистов. Издержки от возможной войны для Германии и Японии, бедных ресурсами стран, не имеющих больших территориальных пространств, изначально были огромными, что не мешало им развязать мировые войны. Логично предположить, что в определённый период традиционная логика выгод и издержек перестаёт действовать. Режимы-ревизионисты готовы пойти на риск ради слома всего существующего мирового порядка и формирования качественно иных правил межгосударственного взаимодействия.

Появление внесистемных ревизионистов не случайно происходит к концу существования мирового порядка. Они выступают симптомом истощения его запаса прочности, приобретённого на этапе его формирования. Подъём ревизионистов означает 1) кардинальное изменение соотношения сил между ведущими государствами, то есть состояние, когда державы-гаранты порядка не способны сохранить статус-кво в свою пользу; 2) тот факт, что базовые правила международного взаимодействия, установленные в начале существования порядка, утратили свою легитимность. В таком ракурсе радикальные ревизионисты выступают не причиной, а скорее результатом упадка мирового порядка, и развязанная ими тотальная война есть закономерный итог распада его нормативной системы.

Эволюция мировых порядков

Распределение ресурсов между ведущими державами, лежащее в основе мировых порядков, позволяет выделить два их типа. Первый – гегемонистский порядок – предполагает, что в его рамках есть государство (или коалиция государств), превосходящее остальных по совокупности ресурсов и мощи. Второй – порядок баланса сил – подразумевает, что ресурсы распределены примерно поровну между ведущими игроками. История Вестфальской системы была и остаётся чередованием обоих типов мировых порядков.

Термин «гегемония» используется в политической науке в двух значениях: 1) превосходство государства внутри системы по совокупности ресурсов, позволяющее реализовать свою линию поведения, не считаясь с интересами других; 2) внешнеполитическая стратегия, основанная на жёстком навязывании набора правил и ценностей другим государствам [Florig 2010: 1103–1119]. То и другое включает в себя реализацию государством своего превосходства по совокупности ресурсов. Строго говоря, понятие «гегемония» не имеет эмоционального подтекста. Оно представляет собой один из типов внешнеполитического поведения великих держав. Вопрос заключается в границах и приемлемости этой модели для других участников порядка, которые чаще всего опасаются неконтролируемых действий гегемона.

Суть гегемонистского порядка хорошо описывается термином «гегемонистская стабильность» (*hegemonic stability*). Будучи сформулированным американским экономистом Чарльзом Киндлбергером, он предусматривает, что присутствие гегемона в международной системе является одновременно неотъемлемым и достаточным условием для сохранения стабильности [Kindleberger 1986: 8–46]. Ещё дальше пошёл неореалист Роберт Гилпин, утверждавший, что наличие гегемона есть необходимый элемент для обеспечения стабильности мирового порядка, благо для больших и малых стран [Gilpin 2007: 3–26]. Присутствие гегемона, по мнению иссле-

дователя, исключает опасность возникновения войны между участниками системы и совершение против них агрессии со стороны внешних сил. Вместе с тем платой за эту стабильность выступает подчинение участников системы гегемону, включая предоставление ему права вмешиваться в их внутреннюю политику.

Тем не менее гегемонию не следует путать с империей. Государство-гегемон не поглощает формально других участников системы, не присоединяет их к себе и не формирует качественно новой имперской идентичности. Оно сохраняет за собой статус превосходящей державы, формирующей систему отношений между другими странами в соответствии с собственными ценностями и предпочтениями. Аналогично и другие даже самые зависимые участники системы выстраивают отношения с гегемоном как формально суверенные государства, хотя фактически занимают в этой системе неравноправное положение. Гегемонистский порядок все равно состоит из национальных государств. Он не является построением наднациональной империи по образцу Древнего Востока или Средневековья.

Иначе устроен порядок баланса сил. Его стабильность обеспечивает равновесие потенциалов ведущих участников (*equilibrium*). Она основана на допущении, что в течение длительного времени у великих держав не будет реализуемого превосходства для достижения победы в тотальной или масштабной ограниченной войне. Следовательно, не будет и побудительных мотивов для её начала.

В порядке баланса сил ключевую роль играет согласие позиций его участников, то есть формирование «конструктивного консенсуса» [Phillips 2010: 36]. Дело в том, что в порядке баланса сил одно государство не может устанавливать, какое поведение следует считать опасным и дестабилизирующим: это — прерогатива гегемонистского порядка. В мире баланса сил речь идёт о том, чтобы несколько примерно равных центров силы согласовывали свои позиции. Логика оценки государств за нормы поведения в принципе отвергается

изначально. В этом порядке нет и не может быть «учителя» для остальных государств.

Среди международников популярны споры о том, какая из двух моделей более эффективна и стабильна. Острота споров, возможно, ослабнет, если мы начнём воспринимать их как просто две равноправные и соперничающие друг с другом модели международного взаимодействия.

Первый порядок — **Вестфальский** — охватывал окончание Тридцатилетней войны (1648) до завершения Наполеоновских войн (1815). Его управляющим параметром был гегемонизм, то есть изначально заложенная в нём преобладающая роль Франции. Другие державы (Испания, Великобритания, Священная Римская империя, Россия) создавали разнообразные коалиции с целью остановить движение Парижа в сторону гегемонии. Системным регулятором были перманентные ограниченные войны: для Франции — ради установления своей гегемонии, а для антифранцузских коалиций — с целью корректировки баланса. Фактически история Вестфальского порядка была тремя попытками Франции установить свою гегемонию в Европе и мире: в правление Людовика XIV, Людовика XV и Наполеона Бонапарта. Вестфальский порядок не был при этом сугубо европейским: к его системе подключались через колониальную экспансию и остальные регионы мира. Распад Вестфальского порядка наступил по итогам Наполеоновских войн (1800–1815), в результате которых Франция лишилась потенциала для проведения гегемонистской политики.

Второй порядок — **Венский** — затрагивал период от окончания Наполеоновских войн (1815) до конца Первой мировой войны (1918). Новые правила межгосударственного взаимодействия были установлены на Венском конгрессе 1814–1815 годов. Его управляющим параметром стал принцип баланса сил — равновесия потенциалов между великими державами (Австрия, Великобритания, Пруссия, Россия, Франция), имевшими иные, более широкие права, чем остальные участники Венского порядка. Свою задачу они видели в под-

держании стабильности, понимаемой как максимально возможное сохранение статус-кво. Системными регуляторами Венского порядка выступали международно-политические режимы, дипломатические коалиции и ограниченные войны за корректировку баланса. В середине XIX века этот порядок претерпел согласованную ревизию: Пьемонт перерос в Италию, Пруссия – в Германскую империю, а в Восточной Азии в региональный центр превратилась Япония. В начале XX века баланс сил между государствами сменился в пользу долгосрочных политико-военных коалиций – Тройственного союза и Антанты. Конфликт между альянсами привёл к распаду Венского порядка в ходе Первой мировой войны (1914–1918).

В этот период происходило распространение международных отношений (то есть отношений между национальными государствами) в неевропейские регионы. Российско-британское соперничество («большая игра») подключило к Венскому порядку Средний и Дальний Восток, прежде всего Китай и Японию. В Западном полушарии возникла автономная система международных отношений на основе преобладания США. В эпоху колониализма началось формирование национальных государств в Африке, Австралии и Океании. Постепенно борьба за передел колоний стала толчком к столкновению держав-ревизионистов с державами статус-кво, что и нашло своё воплощение в двух мировых войнах.

Третий порядок – **Версальско-Вашингтонский** – просуществовал между завершением Первой мировой (1919) и окончанием первого этапа Второй мировой войны (1940) [Фененко 2020: 661]. Основные его правила были определены на мирных конференциях в Париже (1919–1920) и Вашингтоне (1921–1922), что и предопределило его глобальный характер. Его управляющими параметрами были два взаимоисключающих принципа: глобального управления (воплощённого в Лиге Наций) и идеологической многополярности, которая придавала ему изначально конфликтный характер, что сократило срок его существования. Версальско-

Вашингтонскому порядку присуща высокая степень идеологизированности, вызванная соперничеством коммунистической, либеральной, фашистской, а затем и национал-социалистической идеологий. Как итог, его системный регулятор – деятельность Лиги Наций – оказался непрочным, и распад порядка наступил быстро.

Четвёртый порядок – **Ялтинско-Потсдамский** – сложился не после, а в ходе Второй мировой войны. Изначально он возник как англосаксонский проект, изложенный в «Атлантической хартии» 1941 года. В мае 1942 г. президент США Ф. Рузвельт предложил на встрече с наркомом иностранных дел СССР В. М. Молотовым концепцию трёх полицейских, которая год спустя была расширена до концепции четырёх полицейских. Речь шла о взаимном признании наличия у США, СССР, Великобритании и Китая полицейских функций, позволяющих поддерживать мировой порядок. Позднее была добавлена ещё Франция, что в итоге определило состав постоянных членов Совета Безопасности ООН. На этой основе страны антигитлеровской коалиции выработали в 1943–1944 годах правила поведения в послевоенном мировом порядке:

- признание формального равенства всех стран и народов;
- ограничение права государств на применение силы;
- создание Организации Объединённых Наций (ООН) как международного института глобального управления;
- наличие особых прав у пяти держав-победительниц во Второй мировой войне в рамках Совета Безопасности ООН;
- принудительное разоружение государств-агрессоров (Германии и Японии) с последующим частичным ограничением их суверенитета

Управляющие параметры Ялтинско-Потсдамского порядка оцениваются исследователями по-разному. В нём, безусловно, присутствовали и компоненты глобального регулирования (ООН и связанные с ней международные организации), и компоненты системы баланса сил (право вето у постоянных членов СБ ООН). Между тем

колоссальный отрыв силовых потенциалов двух сверхдержав – США и СССР – делали этот порядок склонным к гегемонизму. Соединённые Штаты по совокупности ресурсов находились в более выигрышной ситуации, чем Советский Союз, благодаря своему стратегическому положению и ряду других преимуществ. В этом смысле Ялтинско-Потсдамский порядок создавался в середине 1940-х годов как ориентированный на интересы Вашингтона: биполярным он стал только через 10–15 лет. Тем не менее биполярность как система также является вариантом системы баланса сил, его особой формой существования.

Под прикрытием этих процессов в мире ускорилось формирование национальных государств. Во второй половине XX века мир сотрясла масштабная деколонизация, создавшая новые государства Азии, Африки и Океании. В 1991 г. при распаде СССР и СФРЮ возникли 20 новых государств, а в 1993 г. на два национальных государства разделилась и Чехословакия. В 2006 г. на карте мира появились отдельные государства Сербия и Черногория. Процесс становления новых национальных государств продолжается на наших глазах: от бывших республик СССР и Югославии откололись так называемые «непризнанные государства», многие из которых вполне успешно построили свою государственность. Фактически только в 1960-х годах Вестфальская система стала по-настоящему всемирной, создав не взаимодействие, а мир национальных государств.

Исследователи продолжают спорить о характере мирового порядка после 1991 года: стал ли он началом качественно нового порядка или просто очередной модификацией Ялтинского варианта. Придерживаясь второй точки зрения, автор, однако, считает нужным обратить внимание на другой аспект этой полемики. Американский проект лидерства в современном мировом порядке выступает лишь вариантом гегемонистского порядка, в то время как российско-китайский многополярный мир – это не что иное, как вариант миропорядка баланса сил. Фактически мы

имеем дело со столкновением двух классических проектов мировых порядков в рамках Вестфальской системы. Значит, вместо споров об ослаблении или усилении однополярной структуры мира более интересно, полагаем, будет задать другой вопрос: «Наш современный мировой порядок – это последняя или нет модификация Вестфалии в истории?»

* * *

Магистральный путь развития европейской философии лежал от метафизики к диалектике. Первая рассматривала мир как сумму вечных процессов и законов, вторая настаивала на изменении и качественном преобразовании мира. В изучении категории мирового порядка начинает назреть тот же поворот. Современные нормативные подходы рассматривают мировой порядок как некую вневременную категорию, отделяя современные мирополитические процессы от всей мировой истории. В противовес им историко-политические подходы видят в современном мировом порядке только один из этапов исторического развития Вестфальской системы национальных государств. Подобный подход, по всей видимости, открывает широкие возможности для изучения этой категории и снятия многих морально-этических и политических пристрастий учёных. Помещение нашего мирового порядка в конкретно-исторические условия показывает, что многие проблемы, с которыми мы сталкиваемся, не оригинальны и давно обсуждались в прошлом.

Его восприятие как историко-политической категории, ограниченной пространственными и временными рамками, неизбежно снимет многие методологические дискуссии по данной проблеме. Исчезнет навязчивое сравнение гегемонистского порядка и порядка баланса сил в вопросах эффективности. Если любой порядок конечен, то следует признать: нельзя обеспечить его существование на веки веков подобно тому, как любой живой организм не может достичь вечной жизни. Если признать, что порядки естественно сменяют друг друга,

то не имеет смысла и поиск «наилучшей модели» стабильности. Любая стабильность имеет своё начало и неизбежный конец. Прекратится спор о наличии или отсутствии ресурсов для постоянного поддержания статус-кво или как минимум базовых правил порядка. Если любой мировой порядок кончен, то его ревизия рано или поздно всё равно произойдёт, и вряд ли стоит тратить ресурсы на её предотвращение любой ценой. Да и продолжающаяся на

наших глазах история Ялтинско-Потсдамского порядка перестанет смотреться вневременной аномалией или простой суммой политических процессов, если мы сопоставим её с историей предшествующих вариаций. Признание нашего мирового порядка лишь частью истории с открытым финалом позволит нам лучше понять современные мировые процессы, зародившиеся в гораздо более далёком прошлом, чем 1970-е годы или тем более 1991 году.

Список литературы

- Алексеева Т.А.* Теория международных отношений как политическая теория и наука. М.: Аспект Пресс, 2019. 608 с.
- Баталов Э.Я.* «Новый мировой порядок»: к методологии анализа // Полис. Политические исследования. 2003. № 5. С. 25–37.
- Бергаланфи Л. фон.* Общая теория систем – критический обзор // Исследования по общей теории систем: Сборник переводов / Общ. ред. и вст. ст. В. Н. Садовского и Э. Г. Юдина. – М.: Прогресс, 1969. С. 23–82.
- Богатуров А.Д.* Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945–1995) М.: Конверт–МОНФ, 1997. 353 с.
- Богатуров А.Д.* Международный порядок в наступившем веке // Международные процессы. 2003. № 1. С. 6–23.
- Богатуров А.Д.* Процессы войны и мира // Международные процессы. 2016. Т. 14. № 3. С. 28–38.
- Богатуров А.Д.* Синдром поглощения в международной политике // Pro et Contra. 1999. № 4. С. 28–48.
- Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталёв М.А.* Очерки теории и политического анализа международных отношений. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям. 384 с.
- Богатуров А.Д., Фененко А.В.* Кризис стратегии «навязанного консенсуса» // Свободная мысль. 2008. № 11. С. 5–18.
- Введение в прикладной анализ международных ситуаций: Учебник / Под ред. Т.А. Шаклеиной. 2-е изд., исправ. и доп. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2018. 288 с.
- Воскресенский А.Д.* Региональные подсистемы международных отношений и регионы мира // Восток–Запад–Россия. М.: Прогресс-Традиция, 2002. С. 139–143.
- Гаджиев К.* К полицентрическому миропорядку // Полис. Политические исследования. 2007. №4. С. 8–23.
- Давыдов Ю.П.* Норма против силы. Проблема мирорегулирования. М.: Наука, 2002. 285 с.
- Дугин А.Г.* Теория многополярного мира. Плюриверсум: Учеб. пособие. М.: Евразийское движение, 2015. 532 с.
- Истомин И.А.* Рефлексия международной системы в официальном дискурсе и научном осмыслении // Вестник МГИМО-Университета. 2016. №5 (50). С. 20–33.
- Киссинджер Г.* Мировой порядок. М.: AST Publishers, 2015. 512 с.
- Клаузевиц К.* О войне Т. 1. М.: Госвоениздат, 1934. 692 с.
- Кортунов А.В.* Между полицентризмом и биполярностью: о российских нарративах эволюции миропорядка: рабочая тетрадь РСМД. № 52. 2019. URL: <https://russiancouncil.ru/papers/Russia-Polycentrism-Bipolarity-WP52Ru.pdf>
- Косолапов Н.А.* Пороговый уровень и вероятность конфликта США с Россией // Международные процессы. 2008. Т. 6. № 18. С. 15–25.
- Кулагин В.М.* Международная безопасность. М.: Аспект Пресс, 2006. 318 с.
- Лебедева М.М.* Новый мировой порядок: параметры и возможные контуры // Полис. Политические исследования. 2020. № 4. С. 24–35.
- Лебон Г.* Психология социализма. СПб.: Макет, 1995. 541 с.
- Мельникова Ю.* Интродукция в современность. Взгляд из США // Международные процессы. 2020. Т. 18. № 2 (61). С. 173–178.
- Миронов В.В.* «Международный порядок» Хедли Булла и английская школа теории международных отношений // Вестник Омского университета. 2011. № 3. С. 108–114.

- Нефёдов Б. Критика представления о Вестфальском мире // *Международные процессы*. 2022. Т. 20. № 3. С. 6–27.
- Никонов В.А. Назад, к концерту // *Россия в глобальной политике*. 2002. №1. С. 78–99.
- Примаков Е.М. Международные отношения накануне XXI века: проблемы, перспективы // *Международная жизнь*. 1996. № 10. С. 3–13.
- Райс К. Полюс свободы и справедливости // *Россия в глобальной политике*. 2003. Т. 1. № 3. С. 74–79.
- Система, структура и процесс развития современных международных отношений / Отв. ред. В.И. Гантман. М.: Наука, 1984. 422 с.
- Тэйлор А.Дж.П. Борьба за господство в Европе 1848–1918. М.: Издательство иностранной литературы, 1958. 644 с.
- Фененко А.В. Войны в структуре мировых порядков // *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*. 2022. № 3. С. 13–36.
- Фененко А.В. История международных отношений: 1648–1945: Учеб. пособие. 2-е изд. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2020. 800 с.
- Хрусталёв М.А. Две ветви ТМО в России // *Международные процессы*. Т. 4. №2. С. 119–128.
- Хрусталёв М.А. Основы теории внешней политики государства. М.: УДН, 1984. 80 с.
- Цыганков П.А. Исследования проблем миропорядка: теоретические трудности, расхождения трактовок // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. № 41. С. 194–202.
- Цыганков А.П., Цыганков П.А. Кризис идеи «демократического мира» // *Международные процессы*. 2005. Т. 3. № 3. С. 33–44.
- Цыганков П.А. Международные отношения. М.: Новая школа. 1996. 317 с.
- Цыганков А.П., Цыганков П.А. Просвещённое державничество (А.Д. Богатуров и российская теория международных отношений) // *Полис. Политические исследования*. 2017. № 4. С. 175–185.
- Шаклеина Т.А. Россия и США в мировой политике. М.: Аспект Пресс, 2012. 270 с.
- Barnett M. International Progress, International Order, and the Liberal International Order // *The Chinese Journal of International Politics*. 2021. Vol. 14. No. 1. P. 1–22.
- Black J. *European Warfare, 1660–1815*. London: UCL Press; Taylor & Francis e-Library, 2003. 279 p.
- Bull H. *The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics*. New York: Columbia University Press; 2002. 329 p.
- Carri E. *Twenty years' crisis 1919–1939: an introduction to the study of international relations*. Harper Perennial, 1964. 244 p.
- Clark I. *Legitimacy in international society*. Oxford: Oxford University Press, 2005. 250 p.
- Cooper R. Is There a New World Order? // *Prospects for Global Order* / Ed. by S. Sato, T. Taylor, S. Heiva. L.: 1993. Vol. 2. 26 p.
- Croxton D. *Westphalia: The Last Christian Peace*. Palgrave Macmillan US, 2013. 452 p.
- Davidson J. *The Origins of Revisionist and Status quo States*. Springer, 2016. 237 p.
- Duffield J. What are International Institutions? // *International Studies Review*. 2007. Vol. 9. No. 1. P. 1–22.
- Etzioni A. *From Empire to Community*. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2004. 256 p.
- Finnemore M. Legitimacy, Hypocrisy, and the Social Structure of Unipolarity: Why Being a Unipole Isn't All It's Cracked Up to Be // *World Politics*. 2009. Vol. 61. No 1. P. 58–85.
- Florig D. Hegemonic overreach vs. imperial overstretch // *Review of International Studies*. 2010. Vol. 36. No 4. P. 1103–1119.
- Gilpin R.G. *War and Change in World Politics* Cambridge University Press, 1981. 272 p.
- Gilpin R.G. No one loves political realist // *Security Studies*. 2007. Vol. 5. No. 3. P. 3–26.
- Gross L. *The Peace of Westphalia, 1648–1948* // *The American Journal of International Law*. Vol. 42. No. 1. P. 20–41.
- Haass R. *The World: a Brief Introduction*. New York: Penguin Press, 2020. 400 p.
- Ikenberry J. *After Victory. Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order after Major Wars*. Princeton: Princeton University Press, 2019. 336 p.
- Jarrett M. *The Congress of Vienna and its Legacy: War and Great Power Diplomacy after Napoleon*. London: I. B. Tauris & Company, 2013. 522 p.
- Jones R.E. 'The English School of International Relations: A Case for Closure // *Review of International Studies*. 1981. No. 7 (1). P. 1–14.
- Kaplan M.A. *System and process in international politics*. ECPR Press, 2005. 260 p.
- Keohane R. *After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy*. Princeton University Press, 1984. 250 p.
- Kindleberger Ch.P. Hierarchy versus inertial cooperation // *International Organization*. 1986. No. 4 (40). P. 8–46.

- Lake D.A., Martin L.L., Risse Th.* Challenges to the Liberal Order: Reflections on International Organization // *International Organization*. 2021. Vol. 75. No 2. P. 225–257.
- Lascurettes K.M., Poznansky M.* International Order in Theory and Practice. *Oxford Research Encyclopedia of International Studies*. 2021. URL: <https://oxfordre.com/internationalstudies/view/10.1093/acrefore/9780190846626.001.0001/acrefore-9780190846626-e-673>
- Mearsheimer J.J.* Bound to Fail: The Rise and Fall of the Liberal International Order // *International Security*. 2019. Vol. 43. No. 4. P. 7–50.
- Miller L.* *Global Order: Value and Power in International Politics*. London Boulder Co.: Westview Press, 1985. 228 p.
- Miller R.M.* The Attitudes of the Major Protestant Churches in America Toward War and Peace, 1919–1929 // *The Historian*. 1956. No 1. P. 13–38.
- Morgenthau H.J.* *Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace*. New York: Alfred Knopf, 1948a. 489 p.
- Morgenthau H.J.* The Problem of Sovereignty Reconsidered // *Columbia Law Review*. 1948. Vol. 48. No. 3. P. 341–365.
- Nobel J.W.* Morgenthau's Struggle with Power: The Theory of Power Politics and the Cold War // *Review of International Studies*. 1995. Vol. 21. No. 1. P. 61–86.
- Organski A.* *World Politics*. New York: Alfred A. Knopf, 1958. 461 p.
- Osiander A.* Sovereignty, International Relations, and the Westphalian Myth // *International Organization*. 2001. Vol. 55. No 2. P. 251–287.
- Parsons T.* *The Social System*. New York: The Free Press, 1951. 575 p.
- Phillips A.* *War, religion and empire: The transformation of international orders*. Cambridge University Press, 2010. 384 p.
- Philpott D.* *Revolutions in sovereignty: How ideas shaped modern international relations*. Princeton University Press, 2010. 352 p.
- Rosecrance R.N.* *The Rise of the Trading State: Commerce and Conquest in the Modern World*. N.Y.: Basic Books, 1986. 258 p.
- Singer D.J.* The Global System and its Sub-System. A Developmental View // *Linkage politics: Essays in national and international systems* / ed. J. N. Rosenau. New York: Free Press, 1969. P. 21–43.
- The Globalization of World Politics: An Introduction to International Relations*. Oxford: Oxford University Press, 2008. 622 p.
- Waltz K.N.* The Emerging Structure of International Politics // *International Security*. 1993. Vol. 18. No. 2. P. 44–79.
- Waltz K.N.* *Political Philosophy and the Study of International Relations* // *Theoretical Aspects of International Relations* / ed. W.T.R. Fox. Notre Dame, 1959. 118 p.
- Waltz K.N.* *Theory of International Politics*. N.Y.: McGraw Hill, 1979. 251 p.
- War and Religion after Westphalia 1648–1713* / Ed. by D. Onnekink. Ashgate Publishing, 2013. 290 p.

INTERNATIONAL ORDER AS A CATEGORY OF INTERNATIONAL STUDIES

THEORETICAL FOUNDATIONS

ALEXEY FENENKO

Lomonosov Moscow State University, Moscow, 119234, Russia

Abstract

This article is devoted to the study of world order in modern political theory. The author shows that modern Anglo-American and Russian political science share common problems related to its study. First, modern internationalists often unjustifiably take the modern world order out of the context of historical development, contrasting it with the entire world history. Second, modern theories of world order are characterized by a

high degree of normativity: political processes are assessed from moral and ethical or openly ideological (usually liberal) positions. Third, researchers today often exaggerate the originality, or uniqueness, of the modern world order, although many of its problems existed in the past. Also, in modern political literature the concepts of "order" and "system" are often confused. Moreover, the mechanism of change of world orders, their qualitative difference from each other, even their number and names have not been revealed. In this regard, the author focuses on two interrelated tasks: 1) to define the relationship between the terms "system" and "order of international relations"; 2) to designate the systemic characteristics of world orders, which will make it possible to identify their number, the mechanism of their change and their qualitative difference. The article aims at clarifying the terminology on the subject of world orders and suggests considering them as completed political systems, which have covered their development cycle – from inception to disintegration. The basic concept of the order is that of balance of power between the great powers and the values and rules of interaction established on its basis. The world order emerges as the result of a total war and is terminated by a total war. Some limited wars regulate relations within the world order. The two types of world orders, namely, the hegemonic order and the balance of power order, acted as two equal types of order. Their disintegration is due to objective reasons, namely, the change in the balance of power and degradation of legal norms, which leads to the emergence of extra-systemic revisionists. The author believes that today's Yalta-Potsdam order is likely to follow the entire cycle of the development of its predecessors.

Keywords:

World order; international order; Westphalian system; sovereignty; total war; limited war; status quo; revisionism; hegemonic; balance of power.

References

- Alekseeva T.A. (2019). *Teoriya mezhdunarodnykh otnoshenij kak politicheskaya teoriya i nauka* [Theory of international relations as a political theory and science]. Moscow: Aspekt-Press. 608 p.
- Barnett M. (2021). International Progress, International Order, and the Liberal International Order. *The Chinese Journal of International Politics*. Vol. 14. No. 1. P. 1–22.
- Batalov E.Y. (2003). "Novyj mirovoj poryadok": k metodologii analiza ["New World Order": towards the methodology of analysis]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. No. 5. P. 25–37.
- Baylis J. et al. (eds) (2008). *The Globalization of World Politics: An Introduction to International Relations*. Oxford: Oxford University Press. 622 p.
- Bertalanfi L. von. (1969). Obshchaja teoriya sistem – kriticheskij obzor [General theory of systems – a critical review]. In Sadovskij V.N., Yudin E.G. (eds) *Issledovaniya po obshchej teorii sistem: sbornik perevodov*. Moscow: Progress. P. 23–82.
- Black J. (2003). *European Warfare, 1660–1815*. London: UCL Press. 279 p.
- Bogaturov A.D. (1997). *Velikie derzhavy na Tikhom okeane. Istoriya i teoriya mezhdunarodnykh otnoshenij v Vostochnoj Azii posle Vtoroj mirovoj vojny (1945–1995)* [Great Powers on the Pacific Ocean. History and Theory of International Relations in East Asia after the Second World War (1945–1995)]. Moscow: Konvert–MONF. 353 p.
- Bogaturov A.D. (1999) Sindrom pogloshcheniya v mezhdunarodnoi politike [The syndrome of absorption in international politics]. *Pro et Contra*. Vol. 4. No. 4. P. 28–48.
- Bogaturov A.D. (2003). Mezhdunarodnyj poryadok v nastupivshem veke [International Order in the Starting Century]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 1. No. 1. P. 6–23.
- Bogaturov A.D. (2016). Protsessy vojny i mira [Processes of War and Peace]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 14. No. 3. P. 28–38.
- Bogaturov A.D., Fenenko A.V. (2008). Krizis strategii "navyazannogo konsensusa" [Crisis of the Strategy of "Forced Consensus"]. *Svobodnaya mysl'*. No. 11. P. 5–18.
- Bogaturov A.D., Kosolapov N.A., Khrustalev M.A. (2002). *Ocherki teorii i politicheskogo analiza mezhdunarodnykh otnoshenij* [Essays on the theory and political analysis of international relations]. Moscow: Nauchno-obrazovatel'nyi forum po mezhdunarodnym otnosheniyam. 384 p.
- Bull H. (2002). *The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics*. New York: Columbia University Press. 329 p.
- Carr E. H. (1964). *The Twenty Years' Crisis: 1919–1939*. Harper Perennial. 244 p.
- Clark I. (2005). *Legitimacy in international society*. Oxford: Oxford University Press. 250 p.
- Clausewitz K. von (1934). *O vojne* [On War]. T. 1. Moscow: Gosvoenzidat. 692 p.
- Cooper R. (1993). Is There a New World Order? In Sato S., Taylor T. (eds.) *Prospects for global order*. Vol. 2. London: Royal Institute of International Affairs. 26 p.
- Croxton D. (2013). *Westphalia: The Last Christian Peace*. Palgrave Macmillan US. 452 p.

- Davidson J. (2016). *The Origins of Revisionist and Status quo States*. Springer. 237 p.
- Davydov Yu. (2002). *Norma protiv sily. Problema miroregulirovaniya* [Norm versus power. The problem of world regulation]. Moscow: Nauka. 285 p.
- Duffield J. (2007). What are International Institutions? *International Studies Review*. Vol. 9. No. 1. P. 1–22.
- Dugin A. G. (2015). *Teoriya mnogopolyarnogo mira. Pluriversum* [The theory of a multipolar world. Pluriversum]. Moscow: Evraziiskoe Dvizhenie. 532 p.
- Etzioni A. (2004). *From Empire to Community*. N. Y.: Palgrave Macmillan. 256 p.
- Feneno A.V. (2020). Istoriya mezhdunarodnykh otnoshenii: 1648–1945 [History of International Relations: 1648 – 1945]. 2-e izd. Moscow: Aspekt Press. 800 p.
- Feneno A.V. (2022). Voiny v strukture mirovykh poriadkov [Wars in the Structure of World Orders]. *Analiz i prognoz. Zhurnal IMEMO RAN*. No. 3. P. 13–36.
- Finnemore M. (2009). Legitimacy, Hypocrisy, and the Social Structure of Unipolarity: Why Being a Unipole Isn't All It's Cracked Up to Be. *World Politics*. Vol. 61. No 1. P. 58–85.
- Florin D. (2010). Hegemonic overreach vs. imperial overstretch. *Review of International Studies*. 2010. Vol. 36. No 4. P. 1103–1119.
- Gadzhiev K. (2007). K polittsentricheskomu miroporiyadku [Towards a political world order]. *Polis. Politicheskie issledovaniia*. 2007. No. 4. P. 8–23.
- Gantman V.I. (1984). *Sistema, struktura i protsess razvitiya sovremennykh mezhdunarodnykh otnoshenii* [System, structure and process of development of modern international relations]. Moscow: Nauka. 422 p.
- Gilpin R.G. (1981). *War and Change in World Politics*. Cambridge: Cambridge University Press. 272 p.
- Gilpin R.G. (2007). No one loves political realist. *Security Studies*. 2007. Vol. 5. No. 3. P. 3–26.
- Gross L. (1948). The Peace of Westphalia, 1648–1948. *The American Journal of International Law*. Vol. 42. No. 1. P. 20–41.
- Haass R. (2020). *The World: a Brief Introduction*. New York: Penguin Press. 400 p.
- Ikenberry J. (2019). *After Victory. Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order after Major Wars*. Princeton, Princeton University Press. 336 p.
- Jarrett M. (2013). *The Congress of Vienna and its Legacy: War and Great Power Diplomacy after Napoleon*. London: I. B. Tauris & Company. 522 p.
- Jones R.E. (1981). The English School of International Relations: A Case for Closure. *Review of International Studies*. Vol. 7. No. 1. P. 1–14.
- Istomin I.A. (2016). Refleksiya mezhdunarodnoj sistemy v ofitsialnom diskurse i nauchnom osmyslenii [Reflection of the International System in the Official Discourse and Academic Thinking]. *Vestnik MGIMO Universiteta*. No. 5. P. 20–33.
- Kaplan M.A. (2005). *System and process in international politics*. ECPR Press. 260 p.
- Keohane R. (1984). *After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy*. Princeton University Press, 250 p.
- Kortunov A.V. (2019). Mezhdunarodnyy polittsentrizm i bipolyarnost'yu: o rossiiskikh narrativakh evolutsii miroporiyadka [Between Polycentrism and Bipolarity: About Russian Narratives of the Evolution of World Order]. *Rabochaya tetrad' RSMD*. No. 52. URL: <https://russiancouncil.ru/papers/Russia-Polycentrism-Bipolarity-WP52Ru.pdf>
- Khrustalev M.A. (1984). *Osnovy teorii vneshneo politiki gosudarstva* [Fundamentals of the theory of foreign policy of the state]. Moscow: UDN. 80 p.
- Khrustalev M.A. (2006). Dve vetvi TMO v Rossii [Two Branches of the IR Theory in Russia]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 4. No. 2. P. 119–128.
- Kindleberger Ch.P. (1986). Hierarchy versus inertial cooperation. *International Organization*. Vol. 40. No. 4. P. 8–46.
- Kissinger H. (2015). *Mirovoj poriyadok* [World Order]. Moscow: AST Publishers. 512 p.
- Kosolapov N.A. (2008). Porogovyy uroven' i veroyatnost' konflikta SSHA s Rossiej [Threshold Level and the Probability of Conflict of the US with Russia]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 6. No. 18. P. 15–25.
- Kulagin V.M. (2006). *Mezhdunarodnaya bezopasnost'*. Moscow: Aspekt-Press. 318 p.
- Lake D.A., Martin L.L., Risse Th. (2021). Challenges to the Liberal Order: Reflections on International Organization. *International Organization*. Vol. 75. No. 2. P. 225–257.
- Lascurettes K.M., Poznansky M. (2021). International Order in Theory and Practice. *Oxford Research Encyclopedia of International Studies*. URL: <https://oxfordre.com/internationalstudies/view/10.1093/acrefore/9780190846626.001.0001/acrefore-9780190846626-e-673>
- Lebedeva M.M. (2020). Novyy mirovoj poriyadok: parametry i vozmozhnye kontury [New World Order: parameters and possible contours]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. No. 4. P. 2–35.
- Lebon G. (1995). *Psikhologiya sotsializma* [Psychology of Socialism]. Saint Petersburg: Maket. 541 p.
- Mearsheimer J.J. (2019). Bound to Fail: The Rise and Fall of the Liberal International Order. *International Security*. Vol. 43. No. 4. P. 7–50.

- Melnikova Yu. (2020). Introduktsiya v sovremeonnost': Vzgl'yad iz SSHA [Introduction to the Modernity: View from the US]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 18. No. 2. P. 173–178.
- Miller L. (1985). *Global Order: Value and Power in International Politics*. London Boulder Co.: Westview Press. 228 p.
- Miller R. M. (1956). The Attitudes of the Major Protestant Churches in America Toward War and Peace, 1919–1929. *The Historian*. No 1. P. 13–38.
- Mironov V.V. (2011). “Mezhdunarodnyy poryadok” Headley Bulla i angliyskaya shkola teorii mezhdunarodnykh otnoshenij [“International Order” of Headley Bull and English School of the Theory of International Relations]. *Vestnik Omskogo universiteta*. No. 3. P. 108–114.
- Morgenthau H.J. (1948a) *Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace*. New York, Alfred Knopf. 489 p.
- Morgenthau H.J. (1948b) The Problem of Sovereignty Reconsidered. *Columbia Law Review*. Vol. 48. No. 3. P. 341–365.
- Nefedov B. (2022). Kritika predstavlenij o Vestfal'skom mire [The Critique of the Westphalian Peace Narrative]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 20. No. 3. P. 6–27.
- Nikonov V.A. (2002) Nazad, k kontsertu (Back to the concert). *Rossiya v global'noj politike*. No. 1. P. 78–99.
- Nobel J.W. (1995). Morgenthau's Struggle with Power: The Theory of Power Politics and the Cold War. *Review of International Studies*. Vol. 21. No. 1. P. 61–86.
- Onnekink D. (ed.) (2013). *War and Religion after Westphalia 1648–1713*. Ashgate Publishing. 290 p.
- Organski A.F.K. (1958). *World Politics*. New York: Alfred A. Knopf. 461 p.
- Osiander A. (2001). Sovereignty, International Relations, and the Westphalian Myth. *International Organization*. Vol. 55. No 2. P. 251–287.
- Parsons T. (1951). *The Social System*. New York: The Free Press. 575 p.
- Phillips A. (2010). *War, religion and empire: The transformation of international orders*. Cambridge: Cambridge University Press. 384 p.
- Philpott D. (2010). *Revolutions in sovereignty: How ideas shaped modern international relations*. Princeton: Princeton University Press. 362 p.
- Primakov E.M. (1996). Mezhdunarodnye otnosheniia nakanune XXI veka: problemy, perspektivy [International relations on the eve of the XXI century: problems, prospects]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. No. 10. P. 3–13.
- Rice K. (2003). Polyus svobody i spravedlivosti [The Pole of Freedom and Justice]. *Rossiya v global'noj politike*. Vol. 1. No. 3. P. 74–79.
- Rosecrance R.N. (1986). *The Rise of the Trading State: Commerce and Conquest in the Modern World*. N.Y.: Basic Books. 258 p.
- Shakleina T.A. (2012). *Rossiya i SShA v mirovoi politike* [Russia and the USA in world politics]. Moscow: Aspekt Press. 270 p.
- Shakleina T.A. (ed.) (2018). *Vvedenie v prikladnoj analiz mezhdunarodnykh situacij* [Introduction to the practical analysis of international relations]. Moscow: Aspekt Press. 288 p.
- Singer D.J. (1969). The Global System and its Sub-System. A Developmental View. In Rosenau J.N. (ed.) *Linkage politics: Essays in national and international systems*. New York: Free Press. P. 21–43.
- Taylor A. (1958). *Bor'ba za gospodstvo v Evrope 1848–1918* [The struggle for mastery in Europe. 1848–1918] Moscow: Izdatel'stvo inostrannoi literatury. 644 p.
- Tsygankov A.P., Tsygankov P.A. (2005). Krizis idei “demokraticheskogo mira” [Crisis of the Idea of “Democratic Peace”]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 3. No. 3. P. 33–44.
- Tsygankov P.A. (2018) Issledovaniya problem mirovoporyadka: teoreticheskie trudnosti, raskhozhdeniya traktovok [Studies of the problems of the world order: theoretical difficulties, divergences of interpretations]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya*. No. 41. P. 194–202.
- Tsygankov P.A. (1996). *Mezhdunarodnye otnosheniya* [International Relations]. Moscow: Novaya shkola. 317 p.
- Tsygankov A.P., Tsygankov P.A. (2017) Prosveshchennoe derzhavnichestvo (A.D. Bogaturov i rossijskaya teoriya mezhdunarodnykh otnoshenij). [Enlightened derzhavnichestvo (A.D. Bogaturov and the Russian Theory of International Relations)]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. No. 4. P. 175–185.
- Voskressenskii A. D. (2002) Regional'nye podsistemy mezhdunarodnykh otnoshenii i regiony mira [Regional subsystems of international relations and regions of the world]. *Vostok–Zapad–Rossiya*. Moscow: Progress-Traditsiia. P. 139–143.
- Waltz K.N. (1959). Political Philosophy and the Study of International Relations. In Fox W.T.R. (ed.) *Theoretical Aspects of International Relations*. Notre Dame. 118 p.
- Waltz K.N. (1979). *Theory of International Politics*. N.Y.: McGraw Hill. 251 p.
- Waltz K.N. (1993). The Emerging Structure of International Politics. *International Security*. Vol. 18. No 2. P. 44–79.